K 11 6/27

K11 6/27

К 11 6/27

ОБЗОРЪ

ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

ВЪ РОССІИ.

Соч. Б. Чичерина.

РАЗБОРЪ

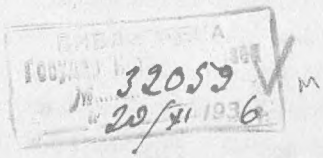
И. Д. БѢЛЯЕВА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 28 дня 1856 года.

Цензоръ ✍ *И. Фонъ-Крузе.*



(*изъ Русской Бесѣды. Москва. 1856 г. № 1.*)

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

Соч. Б. Чичерина. *(Русск. Вѣстникъ* кн. 3 и 4.*)*.

Г. Чичеринъ начинаетъ свой обзоръ тѣмъ, что мнѣнія барона Гакстгаузена и Тенгоборскаго о сельской общинѣ въ Россіи неудовлетворительны, что одного наглядnаго изученія современнаго быта Русскихъ сельскихъ общинъ недостаточно для надлежащаго пониманія этого учрежденія и что для этого необходимо историческое изученіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, разбирая мнѣніе Гакстгаузена, г. Чичеринъ говоритъ: « прежде всего никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто родовая или патріархальная община составляетъ исключительную принадлежность Славянскаго племени » и опровергаетъ это мнѣніе указаніемъ на извѣстную статью покойнаго Грановскаго о томъ, что родовая община первоначально существовала и у Германцевъ, а также на основаніи той же статьи указываетъ, что слѣды подобнаго быта замѣтны у Кельтовъ, Евреевъ, Грековъ и Римлянъ. Все это вполнѣ справедливо и можетъ быть подтверждено прямыми историческими свидѣтельствами ; жаль только, что г. Чичеринъ, ссылаясь на статью Грановскаго, не сослался на Зибеля, котораго книга: Entstehung des Deutschen Königthums, служитъ основаніемъ статьи Грановскаго и представляетъ первое полное и систематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у Германцевъ, на что справедливо указалъ и самъ покойный Грановскій.

Обращаясь къ Россіи, г. Чичеринъ начинаетъ предположеніями: « что касается до Россіи, то у насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о древнѣйшемъ общинномъ устройствѣ. Но общая аналогія и ближайшее сродство съ другими Славянскими племенами дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и у насъ существовали тѣже гражданскія формы, какъ и у другихъ.» Предположеніе это, какъ предположеніе, довольно вѣрно, особенно ежели его не относить къ опредѣленному времени, положительно извѣстному по дошедшимъ до насъ памятникамъ. Далѣе авторъ выставляетъ положеніе: « Патріархальная община можетъ удержаться въ исторіи только при однородности жизненныхъ элементовъ общества, когда въ бытъ не вторгаются новыя стихіи, разлагающія прежнія родственныя отношенія. А такія-то именно стихіи появились въ Русской жизни съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Дружина держалась на началахъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ родственно-общиннымъ отношеніямъ.... принесенныя ею начала, расширяясь и развиваясь, обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа, такъ что мало осталось мѣста для прежнихъ родовыхъ союзовъ.» Положеніе, что для патріархальной (конечно родовой) общины необходима однородность жизненныхъ элементовъ общества, не противорѣчитъ общимъ законамъ исторіи; но авторъ нѣсколько опоздалъ съ приложеніемъ, что на Руси разложеніе однородности элементовъ общества началось съ нашествіемъ западныхъ дружинъ и преимущественно Варяговъ. Русская исторія во первыхъ не свидѣтельствуетъ ни объ одномъ нашествіи западныхъ дружинъ, кромѣ Варяговъ, и притомъ Варяжское нашествіе 852 года, о которомъ упоминаетъ нашъ лѣтописецъ, не могло имѣть какого-либо ощутительнаго вліянія на устройство Славянскаго общества на Руси; ибо Варяги приходили только за данью, и на четвертый годъ были выгнаны, какъ прямо говоритъ лѣтопись: « изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани. » Во второй же разъ было не нашествіе, а приглашеніе Варяговъ; « идоша за море къ Варягамъ къ Русп, и рѣша Руси: да поидите княжить и володѣть нами.»

Во вторыхъ, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, нарушеніе однородности элементовъ общества на Руси совершилось гораздо раньше прибытія Варяговъ-Руси; оно началось съ самаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная въ здѣшній край. Славянскія племена, пришедшія съ Дуная въ разное время, а не всѣ вдругъ, селились здѣсь между Финнами и Латышами, мѣшались съ ними и ославянивали ихъ. Поселеніе Славянъ между Финнами и смѣшеніе съ ними особенно замѣтно въ Новгородскомъ краю, и земляхъ Ростовской, Бѣлозерской, Суздальской и Муромской, гдѣ еще на памяти исторіи разныя Финскія племена, — Чудь, Водь, Весь, Меря, Мурома, жили смѣшенно съ Славянами и мало по малу усвоивали ихъ образъ жизни и даже языкъ; очевидно тоже было и въ другихъ краяхъ Руси на югѣ и западѣ, только ославяненіе тамошнихъ чужеродныхъ племенъ совершилось гораздо прежде, и исторія объ немъ не помнитъ и застаетъ тамошній край совершенно ославяненнымъ. Добровольное призваніе Варяговъ-Руси Новгородцами, Чудью и Кривичами служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что Славянское общество на Руси, еще за долго до прибытія Варяговъ, состояло уже не изъ однородныхъ элементовъ и утратило характеръ родовой общины; при родовомъ устройствѣ общества добровольное приглашеніе чужеродцевъ и уступка имъ важныхъ правъ невозможны. Слѣдовательно не Варяжскія дружины измѣнили у насъ характеръ Славянскаго общества; Варяги уже не застали родовой общины на Руси, они нашли здѣсь уже общину договорную, и сами на договорѣ были приглашены въ эту общину. Самъ г. Чичеринъ, говоря о наслѣдованіи князя послѣ бездѣтнаго смерда, справедливо замѣчаетъ, что «князь здѣсь не былъ замѣною родоначальника, воображаемымъ представителемъ рода, ибо постороннее лице никогда не можетъ замѣнить родоначальника.» Слѣдовательно чужеродный князь и не могъ быть приглашенъ родовою общиною; его могла пригласить только община, составившаяся не въ слѣдствіе родовой необходимости, а по добровольному согласію членовъ, безъ отношенія къ родовымъ связямъ, и притомъ община,

прожившая немало времени и опытомъ дознавшая необходимость имѣть князя, какъ главнаго судію и правителя.

Незначительно по видимому было первое отступленіе г. Чичерина отъ исторіи: онъ только дотянулъ родовую общину до прибытія Варяговъ и Варяжское прибытіе назвалъ нашествіемъ; но оно повело его къ новымъ отступленіямъ, къ новымъ противорѣчіямъ всѣмъ даннымъ, представляемымъ Русскою исторіею. Такъ вслѣдъ за мнимымъ Варяжскимъ нашествіемъ онъ уже уподобляетъ древнихъ Русскихъ Князей западнымъ феодальнымъ королямъ и говоритъ: «князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ, а на югѣ и въ большей части Россіи явился завоевателемъ. Силою оружія пріобрѣлъ онъ себѣ землю и этимъ самымъ получилъ возможность сдѣлаться въ послѣдствіи единодержавнымъ Государемъ. Такъ на западѣ феодальные короли считались верховными владѣльцами земли въ силу завоеванія. Дружинники были его ближайшими помощниками и потому они вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣли поземельную собственность. На западѣ земля ихъ считалась ленною, у насъ она называлась бѣлою, т. е. свободною отъ податей и повинностей и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы получали освобожденіе. Общинной же земли, какъ увидимъ ниже, въ княжескихъ владѣніяхъ не осталось; вмѣсто прежней патріархальной собственности является собственность князя и его дружины. Община родовая превращается въ владѣльческую, въ которой былъ одинъ частный собственникъ, да пришлые люди, сидѣвшіе на его землѣ.» Здѣсь авторъ ни разу не сослался на источники, конечно не потому, чтобы источники не говорили объ этомъ предметѣ, но потому, что источники не говорятъ того, что говоритъ г. Чичеринъ.

И такъ обратимся къ источникамъ и посмотримъ, на сколько они согласны съ мнѣніями, высказанными г. Чичеринымъ. Онъ говоритъ, что князь пришелъ съ дружиною на сѣверъ, какъ посредникъ; и лѣтописи говорятъ тоже: «рѣша сами въ себѣ Чудь, Словѣни и Кривичи: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ къ Руси.» (Лавр. лѣт. 8). Далѣе г. Чичеринъ

пишетъ: «а на югѣ и въ большей части Россіи князь явился завоевателемъ. Силою оружія пріобрѣлъ онъ себѣ землю.» Но этого лѣтописи не говорятъ: о Рюрикѣ и его братьяхъ въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ по приглашенію Чуди, Словѣнъ и Кривичей сѣлъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Потомъ Рюрикъ, по смерти братьевъ, роздалъ своимъ мужамъ города, кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро. Далѣе спутники Рюриковы, Аскольдъ и Диръ, съ согласія Кіевлянъ сѣли въ Кіевѣ, какъ защитники того края отъ Козаръ. Преемникъ Рюриковъ Олегъ, по словамъ лѣтописи: «прінде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ, и посади мужъ свой, оттуда поиде внизъ и взя Любечь и посади мужъ свой.» Далѣе, убивши Аскольда и Дира, онъ вмѣсто ихъ сѣлъ въ Кіевѣ и назвалъ его матерію городовъ Русскихъ; изъ Кіева онъ воевалъ съ Древлянами и, примучивши, взялъ съ нихъ дань по черной кунѣ; потомъ, побѣдивши, возложилъ легкую дань на Сѣверянъ и обѣщался защищать ихъ отъ Козаръ; далѣе послалъ сказать Радимичамъ, чтобы они не платили дани Козарамъ, а платили ему (Лавр. 10). По смерти Олега, Игорь два раза ходилъ за данью къ Древлянамъ, и въ послѣдній разъ былъ убитъ ими. Игорева жена Ольга, мстя Древлянамъ за смерть мужа, наложила на нихъ тяжкую дань, и часть ихъ избила, часть отдала въ рабство дружинникамъ, а остальныхъ оставила платить дань. О Святославѣ лѣтопись говоритъ: «Вятичи побѣди и дань на нихъ возложи.» (Лавр. 27). Вотъ почти всѣ племена, первоначально вошедшія въ составъ древняго Русскаго государства, и при извѣстіяхъ о покореніи ихъ нѣтъ и помину о томъ, чтобы Русскіе князья, покоряя то или другое племя, забирали себѣ землю, принадлежавшую покоренному племени, а вездѣ упоминается только о наложеніи дани. Даже при окончательномъ покореніи Древлянъ Ольгою, особенно по взятіи упорнаго Коростеня, когда раздраженная княгиня Кіевская часть жителей избила, часть отдала въ рабство своей дружинѣ, тѣмъ не менѣе самую землю она оставила за остальными жителями, а не подѣлила ее дружинникамъ, ни взяла себѣ. Ясно, что Русскіе князья въ первое время вовсе не имѣли въ

виду обращенія земли покоренныхъ племенъ въ свою собственность.

Тоже должно сказать о придуманномъ г. Чичеринымъ надѣленіи землею дружинниковъ, какъ ближайшихъ помощниковъ князя. Объ этомъ надѣленіи нѣтъ никакихъ не только извѣстій, но даже и намековъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ. А напротивъ того, весь смыслъ событій, сопровождавшихъ соединеніе Славянскихъ племенъ подъ власть Русскихъ князей, свидѣтельствуетъ, что дружинники первоначально не пріобрѣтали у насъ поземельной собственности, не надѣлялись землями отъ князей, подобно Германскимъ дружинникамъ на западѣ, получавшимъ поземельные участки при самомъ завоеваніи, а довольствовались или жалованьемъ, получаемымъ отъ князя, или собираніемъ дани въ свою пользу, (такъ напримѣръ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, дань съ Уличей Игорь предоставилъ Свенельду и его дружинѣ), или доходами отъ управленія областями, или военными добычами. Ибо если бы дружинники получали при покореніи поземельную собственность; то они не могли бы быть такъ подвижны и неуспѣвны, какъ ихъ изображаютъ лѣтописи и другіе памятники: земля привязывала бы ихъ къ себѣ, они дорожили бы ею и неохотно бы оставляли ее. Напротивъ того, дружинники первыхъ Русскихъ князей вовсе не заботились о пріобрѣтеніи земли, ихъ первоначально ничто не привязывало къ Русской землѣ; такъ, по свидѣтельству Арабскихъ писателей, Игоревы дружинники думали утвердиться въ Прикаспійскихъ владѣніяхъ Музульманъ; а дружина Святославова вмѣстѣ съ княземъ хотѣла перебраться въ Дунайскую Болгарію и льстилась въ тамошнемъ краю не плодородностію земли, а богатствомъ торговли, какъ прямо сказано въ лѣтописи; Варяги Владиміровы, по занятіи Кіева, требовали не земли, а окупа по двѣ гривны съ человѣка, и когда не получили окупа, то отправились на службу въ Константинополь; въ народныхъ сказкахъ богатыри Владиміра службою своею князю искали не земли, а военной добычи и княжаго жалованья. Такимъ образомъ надѣленіе землею дружинниковъ не только не было необходимымъ условіемъ при образо-

ваніи Русскаго государства, но объ немъ даже не думали и не заботились сами дружинники; земля оставалась въ полномъ владѣніи земцевъ, признававшихъ власть князя, которые можетъ быть для того, чтобы привязать князей, чтобы дать имъ осѣдлость, уступали имъ опредѣленные участки. И такъ дѣлалось на Руси постоянно не только при началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ; припомнимъ, что говоритъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они покорились его власти, и отвѣчая на ихъ вопросъ, какой власти желаетъ Государь Великій Князь: «а государство намъ свое держати, иное на чемъ Великимъ Княземъ быти въ своей отчинѣ, — волостямъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовой землѣ, а которые земли наши великихъ князей за вами, а тобъ было наше.» Здѣсь Великій Князь Московскій и всея Руси въ концѣ XV вѣка прямо и ясно говоритъ Новгородцамъ, что для великокняжеской власти необходимо, чтобы ему были уступлены нѣкоторыя волости и села, на чемъ Великимъ Княземъ быти, а не требуетъ всей земли въ свою собственность; и это дѣлаетъ не изъ какой либо уступки Новгородцамъ, а прямо указываетъ на общій законъ во всей Низовой землѣ, т. е. на Руси: «*какъ у насъ въ Низовой земли.*» Слѣдовательно не только въ началѣ государства, но даже въ XV вѣкѣ Русскіе князья не думали объ обращеніи всей Русской земли въ частную собственность, но довольствовались только уступленными имъ нѣкоторыми опредѣленными волостями и селами, которыя въ первые вѣка государства они или отдавали на оброкъ, (какъ на примѣръ, по свидѣтельству лѣтописи, Ольга отдала на оброкъ данныя ей земли по Лугѣ), или селили тамъ своихъ рабовъ и вольноприходящихъ поселенцевъ и заводили разныя хозяйства, (какъ на примѣръ лѣтопись подъ 1146 годомъ упоминаетъ объ Игоревыхъ и Святославлихъ селахъ, гдѣ находились ихъ большія стада, богатые дворы съ челядью, разнымъ товаромъ и житницы съ хлѣбомъ), или строили тамъ города, (такъ лѣтопись подъ 946 годомъ упоминаетъ объ Ольгиномъ городѣ Вышгородѣ), или наконецъ, не раньше впрочемъ XI вѣка, отдавали ихъ дружинни-

камъ за службу вмѣсто жалованья, но не въ полную собственность, а на помѣстномъ правѣ. Изъ этихъ-то уступленныхъ князьямъ земель въ послѣдствіи въ Московскомъ Государствѣ образовались дворцовыя и помѣстныя земли.

О надѣленіи землею дружинниковъ нельзя заключать изъ словъ лѣтописи: « прія Смоленскъ и посади мужъ свой, взя Любечь и посади мужъ свой. » Здѣсь говорится о назначеніи управителей, намѣстниковъ; самое выраженіе «*посади* мужъ свой», по смыслу древняго нашего языка, указываетъ на посадника, а не на землевладѣльца. Раздача земель дружиннникамъ не могла быть раньше послѣднихъ годовъ княженія Владиміра Святаго, когда воинскіе походы пріостановились и дружины мало по малу стали наполняться не пришельцами Варягами, временно приходившими за одною службою и добычею въ походахъ, а туземцами Славянами, или такими пришельцами изъ другихъ земель, которые приходили за тѣмъ, чтобы на всегда остаться на Руси. Самое построеніе городовъ Владиміромъ, вскорѣ по принятіи крещенія, показываетъ, что дружинники и въ это время мало еще думали о пріобрѣтеніи поземельной собственности; ибо вновь построенные города Владиміръ населилъ не дружинниками, а туземцами, какъ прямо сказано въ лѣтописи: « и поча Володимиръ нарубати мужѣ лучьшіѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чуди, и отъ Вятичь; и отъ сихъ насели грады. » (Лавр. 52). Прямыя свидѣтельства о надѣленіи дружинниковъ землею на помѣстномъ правѣ начинаются съ XI столѣтія; но и это надѣленіе, какъ мы уже замѣтили, производилось не изъ общинныхъ земель, составлявшихъ собственность Государства, а изъ тѣхъ, которыя были уступлены Князю для поддержанія власти. Собственно же общинныя земли преимущественно оставались неприкосновенными, какъ это соблюдалось постоянно даже въ XV и XVI столѣтіяхъ, на что мы имѣемъ много оффиціальныхъ свидѣтельствъ. Лучшимъ указаніемъ, что вся Русская земля не составляла поземельной собственности Князя, служитъ покупка Князьями земель у частныхъ собственниковъ, о которой говоритъ

и г. Чичеринъ, и на которую мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ XII, XIII, XIV, XV и XVI столѣтій. Если же Князь имѣетъ нужду покупать земли у своихъ же подданныхъ; то ясно, что вся земля не составляла собственности Князя.

Такимъ образомъ основныя положенія, выставленныя г. Чичеринымъ, на которыхъ зиждется весь его обзоръ, явно противорѣчатъ Русской исторіи; теперь обратимся, хотя нѣсколько, къ положеніямъ второстепеннымъ, къ частностямъ дѣла, и посмотримъ, на сколько онѣ согласны съ Русскою исторіею.

Авторъ говоритъ, что «земля дружинниковъ у насъ называлась бѣлою, т.е. свободною отъ податей и повинностей, и подлежавшею только нѣкоторымъ регальнымъ правамъ, отъ которыхъ также владѣльцы нерѣдко получали освобожденіе.» И даже сравниваетъ эту землю съ ленною землею на западѣ. Здѣсь во первыхъ землю нашихъ дружинниковъ вообще нельзя сравнивать съ ленною землею: ленная земля на западѣ давалась Государемъ за службу и съ условіемъ службы, и по закону отнюдь не составляла полной собственности дружинниковъ, она соотвѣтствовала у насъ землѣ помѣстной; дружинники же у насъ на Руси владѣли не однѣми помѣстными землями, но имѣли и вотчинныя земли, которыя до XVI вѣка почти исключительно пріобрѣтались покупкою, наслѣдованіемъ и другими частными сдѣлками, а не пожалованіемъ отъ Государя, и которыя по сему составляли полную собственность, которую даже сами князья покупали у дружинниковъ; слѣдовательно наши вотчинныя земли ни коимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ одному разряду съ западными ленными землями. Во вторыхъ названіе дружинничей земли *бѣлою землею* отнюдь не означало, что эта земля освобождалась отъ податей и повинностей; это названіе указывало только, что земля составляетъ чью-то частную собственность (*) и не принадлежитъ къ черными

(*) *Бѣлый, обѣльный* на древнемъ оффиціальномъ языкѣ именно означаютъ исключительную полную частную собственность: такъ на примѣръ въ Русской Правдѣ сказано: «Аже бѣжитъ закупъ отъ господы, то обѣль», т. е. за по бѣгъ обращается въ полнаго раба, въ собственность господина.

землямъ, составляющимъ владѣніе общины государства; подати же и повинности платились и съ черныхъ, и бѣлыхъ земель безъ исключенія, это подтверждаютъ всѣ свидѣтельства: такъ, на примѣръ, Уставная Бѣлозерская грамота 1488 года говоритъ: «на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, съ боярскихъ, съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотчиковъ, и со всѣхъ безъ омѣны, съ сохи за полоть мяса по два алтына» и проч. (Ак. Ар. Эк. Т. I № 723). Вся разница въ платежѣ состояла въ томъ, что однимъ землямъ платежъ былъ легче, а другимъ тяжелѣе. И для сего всѣ земли на Руси, какъ мы знаемъ по памятникамъ, были раздѣлены на сохи, которыя смотря по тому, къ какому разряду принадлежитъ земля, были или мельче, или крупнѣе; такъ, на примѣръ, въ XVI вѣкѣ въ дворцовыхъ земляхъ, принадлежавшихъ собственно князю и пользовавшихся бо̀льшею льготою, сохи доходили до 1300 четвертей; въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ на соху клалось не больше 1200 четвертей, монастырскія сохи не превышали 700 четвертей, а въ черныхъ земляхъ высшая мѣра была только въ 600 четвертей. Это различіе мѣры сохъ прямо указываетъ, что при одинаковости податной единицы для всѣхъ сохъ, однѣ сохи, болѣе крупныя по своей мѣрѣ, платили меньше, ибо ихъ платежъ производился съ большаго количества земли, а другія сохи, меньшія по мѣрѣ, платили больше, ибо таже податная единица сбиралась съ нихъ съ меньшаго количества земли. Земель же избылыхъ, т. е. вовсе не платящихъ податей, у насъ не было, за исключеніемъ временныхъ привиллегій, даваемыхъ за особенныя заслуги землевладѣльцевъ, или по особой милости Государя, или по другимъ соображеніямъ. Привиллегіи же сіи давались безъ различія и вотчиннымъ, и чернымъ землямъ.

Но довольно о земляхъ; обратимся къ общинамъ и ихъ отношенію къ поземельному владѣнію и посмотримъ, что пишетъ объ этомъ предметѣ г. Чичеринъ. Мы уже видѣли, что онъ ошибочно довель родовую общину у Русскихъ Славянъ до прибытія Варяжскихъ князей; тогда какъ она на самомъ дѣлѣ уступила свое мѣсто договорной общинѣ за-

долго до прибытія Варяговъ. Потомъ онъ отыскалъ какую-то владѣльческую общину, которая будто бы у насъ заступила мѣсто родовой общины; далѣе, продолжая придерживаться своей владѣльческой общины, нашелъ еще какую-то общину тяглую и поземельную и, кажется, о сей послѣдней говоритъ такъ: «Участіе общины въ поземельномъ владѣніи ограничивалось раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ. Затѣмъ она завѣдывала только раскладкою и сборомъ нѣкоторыхъ податей и исправленіемъ повинностей въ пользу князя. Вѣдомство общинныхъ начальниковъ, сотскихъ и старостъ, заключалось единственно въ проторахъ и разметахъ. Остальное же управленіе, которое впрочемъ все ограничивалось судопроизводствомъ, находилось въ рукахъ людей совершенно посторонннихъ, — намѣстниковъ и волостелей, княжескихъ слугъ, получавшихъ судопроизводство въ кормленіе. Судъ разсматривался, какъ источникъ доходовъ и жалованья, въ видѣ временной или даже постоянной аренды. Общины обязаны были давать судьямъ кормъ и поборы, да уплачивать виру за убійство, въ случаѣ, ежели убійцы не было на лице. Это было древнее установленіе, основанное на взаимномъ поручительствѣ членовъ родовой общины, но которое теперь превратилось въ доходную статью. Кормленщикъ имѣлъ право на извѣстный доходъ съ убитаго тѣла, и если онъ не могъ взять его съ убійцы, то взыскивалъ деньги съ общины, въ округѣ которой найдено было тѣло. Значеніе общины было слѣдовательно чисто финансовое или, скорѣе, хозяйственное, ибо подати и повинности уплачивались князю, въ качествѣ землевладѣльца. Хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Г. Чичеринъ справедливо говоритъ, что община завѣдывала раздачею пустопорожнихъ или запустѣлыхъ участковъ вновь приходящимъ крестьянамъ; это подтверждается многими дошедшими до насъ оффиціальными свидѣтельствами, относящимися къ сему предмету; справедливо также и то, что община производила раскладку податей и повинностей, это также подтверждается Су-

дебникомъ и разными дошедшими до насъ грамотами. Но рѣшительно несправедливо и несогласно съ источниками, чтобы вѣдомство общины ограничивалось только сими двумя предметами, чтобы община имѣла только одно финансовое или, скорѣе, хозяйственное значеніе. Община не только раздавала участки своихъ земель крестьянамъ, но и защищала свои земли отъ присвоенія ихъ посторонними людьми или вѣдомствами, подавала челобитныя судьямъ или Государю, тягалась за свои земли на судѣ, и вообще была хозяиномъ своихъ земель, и только, кажется, не имѣла права продавать свои земли безъ особаго разрѣшенія, что собственно ее отличало отъ другихъ землевладѣльцевъ собственниковъ. О защитѣ земель общиною на судѣ свидѣтельствуютъ всѣ грамоты, въ которыхъ дѣло касалось до общинныхъ или черныхъ земель. Такъ въ правой грамотѣ 1490 года (Ак. юрид. N 4) сказано: «тягался Андрейко староста Залѣской и всѣ крестьяне Залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рѣкъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки Овсяниковскіе земли, Долгой да Верхней, а тѣ наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсяниковской, къ тяглой, къ черной изстарины.» Или въ судномъ спискѣ 1498—1505 год. (Ак. юрид. N 8) написано: «тягалися Ликургскіе волости крестьяне, Мартынко Ларивоновъ, да Ермолка Ѳедоровъ, да Опцифорикъ Онтоновъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликургскіе волости, съ Некрасомъ да съ Дроздомъ.... съ митрополичьими дѣтьми боярскими. Такъ рѣкли Мартынко, да Ермолка, да Опцифорикъ: жалоба намъ, господине, на того Некраса.... тѣ, господине, деревни и починки изстарины земли Великаго Князя Ликургскіе волости тяглые наши.» Или въ другомъ судномъ спискѣ (Ак. юрид. N 9): «Староста Лоскомской волости и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Лоскомскіе волости тягался за волостную землю съ Овсяникомъ Ивановымъ». Или тоже мы встрѣчаемъ еще въ непзданныхъ правыхъ грамотахъ; такъ, на примѣръ, въ грамотѣ, данной Костромскимъ писцемъ, Григорьемъ Романовичемъ Застолбскимъ: «крестьяне Минскаго стану староста Ѳролъ Понкратьевъ сынъ да Копосъ Булгаковъ и въ всѣхъ крестьянъ мѣсто

Минскаго стану тягался съ митрополичимъ посельскимъ за свои тяглые черные земли.» Можно бы было представить и еще нѣсколько оффиціальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что община защищала свои земли на судѣ и искала судомъ своихъ земель, перешедшихъ въ чужое владѣніе; но довольно уже и приведенныхъ грамотъ. Сельская или скорѣе волостная община не только имѣла право защиты своихъ земель, но и могла мѣняться своими черными землями съ землями сосѣднихъ собственниковъ, ежели это находила для себя выгоднымъ. Такъ въ розъѣзжей грамотѣ 1555 года (Акт. юрид. N 151) сказано: «промѣняли Масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне деревню пустую Карпово, деревню пустую Дудомѣхово, да деревню пустую Дьяляйцово, да деревню пустую Орефино на рѣкѣ на Вологдѣ.... А которые деревни промѣняли Масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ.... а мѣняли старци и волостные крестьяня, смотря по угодью, промежъ себя полюбовно.» Волостныя общины, въ случаѣ поземельныхъ исковъ на кого-либо изъ волостныхъ крестьянъ отъ сторонннхъ владѣльцевъ, принимали участіе въ судебныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ. Такъ въ отдѣльной 1530 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 154, сказано: «се азъ Иванъ Дороѳеевъ сынъ староста Есупинскіе волости, да Левонтей Онофріевъ сынъ, да Малыга Грибановъ сынъ, и въ всѣхъ христіанъ мѣсто Есупинскіе волости, что взялъ великаго князя судью Ѳедора Никитина Ѳеранонтова монастыря слуга Дема Тарасовъ сынъ, нашего крестьянина на Гаврилка на Ортемова, въ земляхъ; и мы не тягався передъ судьею да обыскали есмя старые межи и рубежи, куды намъ писцы Великаго Князя розъѣхали межи.... И мнѣ старостѣ Ивану Дороѳееву и всѣмъ крестьянамъ къ нимъ (къ монахамъ) за межу не лѣсти. А полѣземъ мы къ нимъ за межу пахати, имо на мнѣ старостѣ и на всѣхъ крестьянѣхъ 50 рублевъ по сей записи; а полѣзу язъ игуменъ съ братіею, имо на насъ 50 рублевъ по сей записи.» Здѣсь мы видимъ, что община не только принимаетъ участіе въ поземельныхъ дѣлахъ своихъ сочленовъ и, какъ хозяинъ земли, рѣшаетъ, — судиться ли

члену ея или итти на мировую и уступить спорную землю; но даже ручается за своихъ членовъ и въ случаѣ надобности обязывается платить условленный штрафъ: здѣсь уже община является не поземельнымъ хозяиномъ только, но и особеннымъ собирательнымъ лицемъ, имѣющимъ юридическое значеніе. Замѣчательно также, что община и въ XV и XVI вѣкѣ избирала за себя въ представители на судѣ не одного старосту или иного своего начальника, но всегда при старостѣ или иномъ начальникѣ посылала нѣсколько выборныхъ изъ своихъ членовъ, какъ это видно изъ настоящей грамоты и всѣхъ приведенныхъ выше. Это постоянное правило древнихъ общинъ на Руси соблюдается еще и теперь въ современныхъ намъ сельскихъ общинахъ. Сельская или волостная община чрезъ своихъ представителей старостъ и выборныхъ людей имѣла право ходатайства передъ Государемъ или у его намѣстниковъ объ огражденіи своихъ выгодъ и объ отмѣнѣ такихъ административныхъ распоряженій, которыя считала для себя невыгодными; такъ, по свидѣтельству жалованной грамоты 1546 года, крестьяне Устюжскаго уѣзда, Антропьевы слободки, чрезъ выборнаго своего Матвѣйка Захарова подавали Государю челобитную о выводѣ изъ ихъ слободки становаго двора и корчмы; и Государь по ихъ челобитью приказалъ становой дворъ перевесть въ Утманово и вывесть корчму. (Ак. Ист. Т. I N 299). По Судебнику 1497 года община чрезъ своихъ представителей старостъ и лучшихъ выборныхъ людей непремѣнно участвовала въ намѣстничьемъ и волостелинскомъ судѣ, когда подсудимые принадлежатъ къ общинѣ; въ Судебникѣ прямо сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ боярскимъ и имъ судити, а на судѣ быти дворскому и старостѣ и лучшимъ людемъ: а безъ дворьскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Волостная община не только имѣла надзоръ и право домашней управы надъ своими членами чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ по общественному приговору, но даже въ нѣкоторой отъ нея зависимости были священникъ и причетники тѣхъ церквей, которыя находились въ волости:

община условливалась съ своими священно-служителями особыми порядными записями, по которымъ община изъявляла согласіе принять священника къ своей приходской церкви, и которыми опредѣлялись отношенія священника къ общинѣ. Такъ въ одной порядной записи 1588 года, напечатанной въ юридическихъ актахъ подъ N 185, сказано: «Се язъ Ильинской попъ Кирило Яковлевъ сынъ-далъ есми на себя запись старостѣ Тавренскія волости Климу Иванову сыну Клобуку, да и всему православью Тавренскія волости Ильинскаго прихода, что мнѣ попу Кириллу у св. пророка Иліи и у Егорья межъ владычни праздники и межъ воскресеніемъ вечерню и заутреню пѣти по вся дни, и жити, какъ и прочіе старые священники жили; а къ болю и къ роженицѣ ѣздити безпенно, а на свое дѣло коли поѣздка придетъ, ино безъ мірскаго вѣдома не отъѣзжати» и проч. Я бы долго не кончилъ, ежели бы рѣшился перечислять всѣ права и обязанности волостной общины, засвидѣтельствованныя разными грамотами и другими памятниками; но довольно уже и сказаннаго, чтобы видѣть, что волостныя общины въ древней Россіи имѣли не одно финансовое значеніе, что передъ закономъ имъ были предоставлены почти всѣ права лицъ юридическихъ.

Напрасно г. Чичеринъ утверждаетъ: «что хозяйственная цѣль одна поддерживала единство общины, которая безъ этого распалась бы на отдѣльныя лица, ничѣмъ не связанныя между собою.» Хозяйственная цѣль, какъ ее понимаетъ г. Чичеринъ, т. е. платежъ податей и вообще отправленіе тягла, скорѣе разстроивала, а не поддерживала общину: крестьяне, какъ мы знаемъ изъ многихъ памятниковъ, преимущественно потому и оставляли общины и покидали данную землю, что имъ приходилось не въ мочь платить лежащія на землѣ подати и вообще тянуть тягло. Слѣдовательно причина, почему община не распадалась совершенно, заключалась не въ хозяйственной цѣли, а лежала гораздо глубже, именно: въ самомъ духѣ народа, въ складѣ Русскаго ума, который не любитъ и не понимаетъ жизни внѣ общины, который даже въ своей родной кровной семьѣ хочетъ видѣть общину, товарищество, и семью

называетъ *домомъ*, а представителя семьи *хозяиномъ*, какъ мѣтко выразился г. Гладковъ (Разсужд. о вліяніи общес. сост. части. лицъ и проч). Этотъ-то народный духъ развилъ общину въ Русской жизни, постоянно поддерживалъ ее съ незапамятныхъ временъ и поддерживаетъ въ настоящее время; а въ слѣдъ за народнымъ характеромъ и правительство, и законъ всегда приписывали общинѣ большое значеніе, старались поддерживать ее, и въ свою очередь въ ней искали средствъ для достиженія своихъ цѣлей.

Описавши общину, какъ мы уже видѣли, по своему, а не такъ, какъ она была на самомъ дѣлѣ, г. Чичеринъ дѣлаетъ заключеніе: «Что же тутъ было похожаго на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель. Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу.... Самое разселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многолюдныхъ селъ.... каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ. Община селилась разсѣянно, и общинною единицею считалось не село, а волость, т. е. округъ, въ которомъ было центральное село и окружавшія его деревни.» Дѣйствительно въ древней и средне-вѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія (въ нынѣшнемъ смыслѣ), ни принудительныхъ отношеній, самое тогдашнее разселеніе крестьянъ не походило на нынѣшнее, все это такъ; но дѣло въ томъ, что все это составляетъ только внѣшнее отличіе старой Русской общины отъ нынѣшней, существенный же характеръ той и другой общины одинъ и тотъ же. Въ средне-вѣковой общинѣ на Руси были выборные старосты, сотскіе, десятскіе и дьяки, называемые земскими или волостными; и нынѣ въ сельскихъ общинахъ у насъ есть выборные старосты, и сотскіе, и десятскіе, и волостные писаря. Въ средне-вѣковой общинѣ выборные начальники смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ общинѣ; и нынѣ они имѣютъ туже обязанность. Въ средне-вѣковой общинѣ старосты и сотскіе были представителями общины на судѣ и ходатайствовали

передъ судомъ и правителями объ интересахъ общины; и нынѣ тоже поручается отъ общины головамъ и старостамъ. Въ средне-вѣковой общинѣ всѣ разметы и разрубы относительно платежа податей и повинностей дѣлались по общему разсужденію членовъ общины; тоже самое дѣлается и нынѣ въ сельскихъ и волостныхъ общинахъ. Въ средневѣковой общинѣ, какъ мы уже видѣли, на судъ являлись не одни старосты, но всегда почти при нихъ находилось по два или по три человѣка, выбранныхъ общиною; тотъ же порядокъ соблюдается и нынѣ. Въ средне вѣковой Россіи, кромѣ выборныхъ начальниковъ надъ общинами, назначались еще начальники отъ правительства, волостели, становщики, посельскіе и подоб.; и нынѣ есть окружные начальники и становые пристава, назначаемые правительствомъ, и должности ихъ во многомъ сходны съ должностями прежнихъ чиновниковъ. Въ нынѣшнихъ сельскихъ общинахъ бываютъ по мѣрѣ надобности передѣлы поземельныхъ участковъ; тоже самое было и въ общинахъ средне-вѣковой Россіи. Правду сказать, г. Чичеринъ не признаетъ этого, впрочемъ его признаніе или непризнаніе не можетъ уничтожить самаго дѣла. Самъ же г. Чичеринъ утверждаетъ, и справедливо, что община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности, т. е. тѣмъ своимъ членамъ, которые могли обработывать земли больше и платить податей больше, давала бо́льшіе участки, а другимъ меньшіе; какъ мы и встрѣчаемъ во многихъ грамотахъ, что одинъ крестьянинъ получалъ земли на цѣлую выть, другой на двѣ выти, а иной на полвыти, на четверть выти и даже на двѣнадцатую долю выти; на примѣръ: въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда 1593 года сказано: «Деревня Ѳалѣево, а въ ней крестьянъ: д. Тихонко Ивановъ на полчети, д. Некраско Ортемовъ на полчети, д. Осташко Васильевъ на полвыти, д. Васька Павловъ на чети, д. Серга Елизаровъ на чети и проч. всего пашни паханые тридцать двѣ чети, да перелогомъ девять чети.» и проч. Или въ грамотѣ Симона митрополита, начала XVI вѣка, прямо упоминается о передѣлѣ

земли между крестьянами; въ грамотѣ написано: «и ты бы въ тѣ села съ архимандритомъ съ Матвѣемъ ѣхалъ, да землю бы есте во всѣхъ трехъ поляхъ перемѣрили, да далъ бы еси христіаномъ во всѣхъ трехъ полехъ по пяти десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы по-томужъ пахалъ и монастырскую пашню шестой жеребей, а кому не будетъ силы пахать пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню». Самымъ рѣзкимъ отличіемъ средневѣковой общины отъ нынѣшней г. Чичеринъ выставляетъ то, что прежде каждый членъ общины селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ владѣлъ вѣчно и потомственно, которымъ распоряжался по произволу; и относительно послѣдняго, т. е. что крестьянинъ распоряжался своимъ участкомъ по произволу, г. Чичеринъ въ своемъ обзорѣ представилъ нѣсколько древнихъ извѣстій, по которымъ крестьяне или члены общины отдавали земли въ монастыри, дѣлили ихъ дѣти послѣ отцевъ, наслѣдовали участки земель отъ родственниковъ, даже продавали ихъ не только крестьянамъ, но и служилымъ людямъ и монастырямъ, безъ всякаго отношенія къ общинѣ. Дѣйствительно все это бывало въ старой Россіи; крестьяне и наслѣдовали земли послѣ отцевъ и родственниковъ, и закладывали ихъ и продавали, не относясь къ общинѣ; но все это дѣлали они съ своими собственными землями съ вотчинными, а отнюдь не съ общинными; это вполнѣ подтверждаютъ сдѣланныя г. Чичеринымъ ссылки на №№ 23 и 24 юридическихъ актовъ. Акты сіи, какъ и многіе другіе имъ подобные, всѣ относятся къ Двинской области, гдѣ между крестьянами была распространена частная поземельная собственность, не въ примѣръ другимъ краямъ Русской земли, и гдѣ таковый порядокъ поземельнаго владѣнія сохранился до позднѣйшаго времени. Такъ что, когда указомъ правительствующаго сената отъ 25 іюля 1751 года велѣно было имѣющимся въ Устюжской провинціи у посадскихъ деревнямъ и деревенскимъ ихъ землямъ и участкамъ, которые въ

жалованныхъ имъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ написаны, быть за ними посадскими, а за которыми явятся отъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ купленныя и разными случаи вступившія, тѣ отобрать, и впредь отъ тѣхъ черносошныхъ крестьянъ оныхъ ихъ земель и деревенскихъ ихъ участковъ не покупать, и крѣпостей не писать: то отъ тамошней провинціальной канцеляріи были сдѣланы особыя представленія о томъ, что таковый порядокъ поземельнаго владѣнія въ томъ краю соблюдается со многихъ временъ, по особымъ обстоятельствамъ и резонамъ, несравненно съ другими провинціями, и что измѣнять таковаго порядка не надлежитъ. И въ уваженіе сего представленія указомъ правительствующаго сената отъ 8 марта 1753 года предписано прежній указъ отмѣнить и по старому порядку дозволить свободную продажу и покупку поземельныхъ имѣній крестьянами и посадскими людьми. Этотъ указъ ясно говоритъ, что особыхъ обычаевъ въ поземельномъ владѣніи, соблюдавшихся въ Двинскомъ краю, нельзя относить къ прочимъ краямъ Россіи, что продажа и мѣна поземельныхъ участковъ между крестьянами и даже крестьянъ съ посторонними лицами, безъ отношенія къ общинѣ, принадлежитъ, какъ особенность, только Двинскому краю, и что изъ этой особенности нельзя выводить общихъ законовъ для всей Россіи. Такимъ образомъ самое рѣзкое отличіе средне-вѣковой Русской общины отъ нынѣшней,—продажа земель крестьянами, не было общимъ для всей Россіи, а посему и въ этомъ отношеніи средневѣковыя общины не отличались отъ нынѣшнихъ.

Г. Чичерина смущаетъ отсутствіе осѣдлости народонаселенія въ средне-вѣковой Россіи. Это отсутствіе осѣдлости (въ нынѣшнемъ смыслѣ) представляется ему прямымъ и гласнымъ отрицаніемъ сельскихъ общинъ въ тогдашнее время. Онъ говоритъ: «Что же тутъ было похожаго на общинный бытъ нашего времени? въ средне-вѣковой Россіи не было ни осѣдлости народонаселенія, ни принудительныхъ отношеній.» Но отсутствіе осѣдлости въ сущности не уничтожало общиннаго быта; свободный переходъ крестьянъ изъ одной волости въ другую не из-

мѣнялъ ихъ общинныхъ отношеній; крестьянинъ, переходя въ другую волость, поступалъ опять въ общину же, а старая община, изъ которой вышелъ крестьянинъ, или только теряла своего члена, или мѣняла одного члена на другаго, т. е. въ нее на убылое мѣсто приходилъ новый крестьянинъ. Бывали случаи, что общины, въ слѣдствіе какихъ-либо несчастій, на время вовсе разстроивались, т. е. крестьяне почти всѣ расходились по разнымъ мѣстамъ; но это разстройство общины почти всегда было только временное: при измѣнившихся обстоятельствахъ, по минованіи несчастій, народонаселеніе возвращалось на покинутую землю, и опять устроивалась община, и земли общинныя, захваченныя посторонними владѣльцами въ отсутствіе народонаселенія, при возвращеніи общинниковъ, опять отыскивались. Такъ въ судномъ спискѣ 1498 — 1505 года крестьяне Ликуржской волости говорятъ судьѣ: «волость, господине, Ликуржская запустѣла отъ великаго повѣтрея; а тѣ, господинѣ, деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, невѣдаемъ которые, за себя, тому лѣтъ съ сорокъ; а волостныхъ, господине, деревень Ликуржскихъ тогды осталась одна шесть деревень съ людьми; и намъ, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искати не кому» (Ак. Юрид. N 8). Такимъ образомъ отсутствіе осѣдлости является не отрицаніемъ общиннаго быта, а напротивъ свидѣтельствуетъ объ особенной силѣ и живучести общинныхъ началъ въ бытѣ средне-вѣковой Россіи. Здѣсь мы ясно видимъ, что община не была связана съ землею, а жила въ характерѣ народа, въ историческомъ развитіи общественной жизни на Руси. Народонаселеніе свободно сходилось и расходилось, селилось то на той, то на другой землѣ; но всегда селилось общинами: другаго быта, другаго образа жизни Русскій народъ не признавалъ и не хотѣлъ признавать.

Замѣтивъ нѣкоторыя значительныя перемѣны въ средневѣковой общинѣ на Руси въ XVI столѣтіи, г. Чичеринъ пишетъ: «Съ XV вѣка начали развиваться понятія государственныя, и эти новыя начала произвели въ общинѣ коренное измѣненіе. Съ возникновеніемъ государства по-

степенно исчезаетъ прежній чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Цари Московскіе не могли уже довольствоваться прежнимъ порядкомъ. Намѣстники и волостели, съ государственной точки зрѣнія, представлялись вовсе негодными для управленія; это были кормленщики, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностью. Чтобы ограничить ихъ власть, Государи Московскіе прибѣгли къ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя менѣе носили на себѣ характеръ частныхъ собственниковъ, — къ общинамъ и дьякамъ. Выборное начало было вызвано наружу; на основаніи царскихъ грамотъ и постановленій избираемые общинами старосты и цѣловальники ограничили власть намѣстниковъ и волостелей, а потомъ во многихъ мѣстахъ и совершенно вытѣснили ихъ, сосредоточивши все управленіе въ своихъ рукахъ.»

Здѣсь, во первыхъ, мы не знаемъ, на какихъ основаніяхъ авторъ говоритъ, что только съ XV вѣка на Руси начали развиваться понятія государственныя, а прежде былъ только чисто владѣльческій и частный характеръ гражданскихъ отношеній. Это мнѣніе высказано послѣдователями родоваго быта; и г. Чичеринъ, признавшій общину на Руси, по крайней мѣрѣ съ прибытія Варяжскихъ Князей, теперь, принимая мнѣніе, вытекшее изъ началъ, совершенно противоположныхъ общиннымъ началамъ, явно обличаетъ самъ себя въ непослѣдовательности. При общинномъ устройствѣ, чисто владѣльческій частный характеръ гражданскихъ отношеній Князя къ народонаселенію не могъ образоваться; община пригласила или приняла къ себѣ Варяжскихъ Князей, не какъ частныхъ владѣльцевъ, а какъ Государей, и государственныя отношенія между Князьями и общиною никогда не прекращались. Русская исторія не представляетъ никакихъ свидѣтельствъ о таковомъ прекращеніи; обратимся ли мы къ исторіи Русскаго законодательства, тамъ встрѣтимъ сыновей и внуковъ Ярослава Великаго, созывающихъ своихъ мужей и издающихъ законы для всей Россіи; такъ о сыновьяхъ Ярослава въ Русской Правдѣ сказано: «По Ярославѣ же совокупившеся сынове его: Изя-

славъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ Кыянинъ, Чудинъ, Микула и отложиша убіеніе за голову.» и проч. Или тамъ-же о Мономахѣ: «Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Кыевскаго тысячьскаго, Прокопья Бѣлгородскаго тысячьскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Пажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Ольгова мужа, и уставили до третіего рѣза.» Конечно, ежели бы помянутые здѣсь Князья носили характеръ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ, а не Государей; то имъ не зачѣмъ бы было сходиться и сзывать тысячьскихъ разныхъ городовъ и другихъ мужей для изданія общихъ законовъ для всей Россіи, а каждый бы самъ писалъ законы по своему изволенію и только для одной своей области. Въ самыхъ законахъ не было бы мѣста многимъ постановленіямъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Русской Правдѣ, ежели бы на Руси Князья были только частные владѣльцы собственники, а не Государи, ежели бы не было государственнаго устройства. На-примѣръ у частныхъ собственниковъ не могло бы образоваться закона о различіи между княжимъ мужемъ и людиномъ, между свободнымъ, рабомъ и закупомъ, — это учрежденія чисто государственныя. Обратимся ли къ событіямъ, записаннымъ въ лѣтописяхъ, тамъ видимъ съѣзды и совѣщанія Князей о Русской землѣ; такъ на примѣръ въ 1097 году, на Любечскомъ съѣздѣ Князья говорятъ: «отселѣ имемъся во едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли.» Или въ 1155 году, въ самый разгаръ междоусобій и разновластія, Берендѣи говорятъ Юрію: «мы умираемъ за Рускую землю и головы свои складываемъ.» Или подъ 1154 годомъ Вячеславъ, Кіевскій Великій Князь, такъ изображаетъ значеніе Князя въ своемъ обращеніи къ Ростиславу: «сыну, се уже въ старости есмь, а рядовъ всѣхъ немогу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю.» Или въ 1155 году Изяславъ Давыдовичь говоритъ Юрью Долгорукому: «Ци самъ есмь ѣхалъ Кыевѣ? посадили мя Кіяне.» Или въ 1170 году Князья говорятъ на съѣздѣ въ Кіевѣ: «а намъ дай Богъ за крестья-

ны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти.» Здѣсь вездѣ впереди стоитъ Русская земля, какъ цѣлое, какъ Государство; о Русской землѣ совѣщаются Князья, за Рускую землю они желаютъ сложить головы, чтобы быть причтеннымъ къ лику мучениковъ. Самый переходъ Князей изъ одного княжества въ другое и разныя условія этого перехода ясно говорятъ, что характеръ удѣльныхъ Князей былъ чисто государственный; ибо ежели бы Князья были частные собственники, то они заботились бы только объ увеличеніи своихъ владѣній, а не переходили бы изъ одного княжества въ другое, какъ именно поступали въ тоже время истинные частные собственники, — бояре и дружинники, которые хотя и переходили по службѣ отъ одного Князя къ другому, тѣмъ не менѣе оставались хозяевами своихъ поземельныхъ владѣній, находящихся въ территоріи того Князя, службу котораго они оставляли. Перейдемъ ли ко временамъ Татарскаго владычества, и тамъ дошедшія до насъ договорныя грамоты Князей, изображающія отношенія удѣльныхъ князей къ Великимъ Князьямъ и отношенія Великихъ Князей между собою, ясно говорятъ о государственномъ характерѣ княжеской власти, а не о характерѣ частныхъ владѣльцевъ собственниковъ; ежели бы Князья всѣ были только частные владѣльцы собственники, то отношенія ихъ были бы равны, а въ грамотахъ мы встрѣчаемъ большое различіе въ отношеніяхъ Великихъ Князей другъ къ другу и въ отношеніяхъ Великихъ Князей къ удѣльнымъ Князьямъ; и различіе сихъ отношеній зависѣло не отъ силы того или другаго Князя, а отъ значенія Великихъ Князей и удѣльныхъ Князей. Такъ на примѣръ, Великіе Князья въ своихъ договорахъ съ удѣльными постоянно выставляютъ условіе: «а тобѣ брату моему молодшему держати подо мною и подъ моими дѣтьми княженіе мое великое честно и грозно, а служити ти мнѣ безъ ослушанья.» Въ договорахъ же между Великими Князьями на оборотъ вездѣ выставляется условіе: «а вотчины вы мое блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашіе вотчины блюсти, а необидѣти.» О безослушной же службѣ нѣтъ и помину.

Самая покупка Князьями поземельныхъ имѣній у своихъ же подданныхъ, засвидѣтельствованная грамотами, свидѣтельствуетъ, что Князья Русскіе были Государи, а не частные владѣльцы; на тоже указываетъ и постоянное условіе въ договорныхъ грамотахъ, — чтобы одному Князю не покупать поземельныхъ имѣній во владѣніяхъ другаго Князя. Въ XV вѣкѣ дѣйствительно послѣдовала важная перемѣна въ государственномъ устройствѣ на Руси; но эта перемѣна состояла не въ томъ, что будто бы съ этого только времени у насъ начали развиваться понятія государственныя, а въ томъ, что удѣльное разновластіе замѣнилось единодержавіемъ Московскихъ Государей.

Во вторыхъ, Царь Иванъ Васильевичь хотѣлъ замѣнить по всей Россіи власть намѣстниковъ и волостелей властію выборныхъ старостъ и излюбленныхъ головъ и судей, отнюдь не потому, чтобы намѣстники и волостели съ государственной точки зрѣнія были вовсе негодными для управленія, какъ думаетъ г. Чичеринъ. Главная цѣль Царя Ивана Васильевича здѣсь состояла въ томъ, чтобы ослабить Московскую аристократію, чтобы лишить бояръ того прежняго значенія, которое уже было несогласно съ развитіемъ великокняжеской власти, чтобы они болѣе не считали себя держателями Русской земли, какими были при Димитріѣ Донскомъ, какъ засвидѣтельствовано его духовною грамотою, помѣщенною въ Никоновской лѣтописи, и чтобы доказать имъ, что онъ и безъ нихъ содѣйствія можетъ держать Русскую землю, что они въ настоящее время не больше, какъ его слуги. И когда онъ достигъ сей цѣли и все сословіе боярства назвалъ оффиціально дворянами, т. е. служилыми людьми, когда съ 1566 года Князья и бояре сами въ оффиціальныхъ бумагахъ стали писаться *государевыми дворянами;* то въ слѣдъ за симъ онъ уничтожилъ и *опричину* (учрежденную имъ же для ослабленія бояръ) и съ тѣмъ вмѣстѣ пересталъ настаивать, чтобы выборные головы и старосты вездѣ замѣняли намѣстниковъ и волостелей, и оставилъ на произволъ самихъ городскихъ и сельскихъ общинъ, управляться ли исключительно одними старостами и излюбленными головами, или держать по

прежнему государевыхъ намѣстниковъ и волостелей, что̀ и продолжалось до конца XVII вѣка; такъ что мы постоянно встрѣчаемъ челобитныя отъ городовъ и волостей, въ которыхъ общины то просятъ, чтобы Государь дозволилъ имъ управляться и судиться выборными старостами и излюбленными головами, то на оборотъ бьютъ челомъ объ отмѣнѣ излюбленныхъ головъ и о назначеніи государевыхъ намѣстниковъ и волостелей. И по челобитьямъ общинъ, правительство или дозволяло имъ управляться выборными начальниками, или назначало своихъ намѣстниковъ и волостелей. Конечно, ежели бы намѣстники и волостели дѣйствительно были негодны для управленія съ государственной точки зрѣнія; то ни правительство, разъ отмѣнивши ихъ, не стало бы возобновлять негоднаго учрежденія, ни общины не стали бы просить о назначеніи намѣстниковъ и волостелей, разъ освободившись отъ нихъ. Явно, что причиною временнаго отмѣненія намѣстниковъ и волостелей, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, не была негодность этого правительственнаго учрежденія.

Должно замѣтить, что г. Чичеринъ въ продолженіи своего обзора постоянно называетъ намѣстниковъ и волостелей кормленщиками, которые съ судопроизводствомъ обращались, какъ съ частною собственностію. Что намѣстники и волостели были кормленщики, это правда, — должности сіи дѣйствительно давались въ награду за службу и прямо назывались кормленьемъ; но чтобы намѣстники и волостели по закону обращались съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію, это несправедливо и не имѣетъ за себя никакихъ историческихъ данныхъ. Между намѣстниками и волостелями бывали иногда люди и худые, и недобросовѣстные, которые свою должность обращали въ доходную статью, грабили и утѣсняли народъ; но гдѣ же и при какихъ учрежденіяхъ не бываетъ злоупотребленій? Только дѣло въ томъ, что злоупотребленія лицъ свидѣтельствуютъ не о негодности учрежденій, а о негодныхъ лицахъ. Жалобы на намѣстниковъ и волостелей, дошедшія до насъ отъ древности, служатъ лучшимъ доказателствомъ, что правительство назначало намѣ-

стниковъ и волостелей не для притѣсненій, а для суда и управы; ибо въ противномъ случаѣ жалобамъ не было бы мѣста, онѣ не удовлетворялись бы правительствомъ, правительство по жалобамъ не судило бы, не смѣняло и не наказывало намѣстниковъ и волостелей, злоупотреблявшихъ своею властію. А всего менѣе можно сказать, чтобы правительство давало намѣстникамъ и волостелямъ неограниченную власть и дозволяло имъ обращаться съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію. Русскій законъ всегда высоко ставилъ судъ и правду и ограждалъ ихъ отъ произвола судьи и правителя. Еще по закону Русской Правды съ точностію были опредѣлены всѣ судебныя пошлины отъ разнаго рода дѣлъ, всѣ доходы княжихъ мужей и отроковъ, присылаемыхъ для суда и управы; таже точность и опредѣленность въ назначеніи доходовъ княжимъ мужамъ на судѣ и ихъ служителямъ соблюдается и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ въ Псковской судной грамотѣ, въ Новгородской Двинской, въ Судебникахъ и разныхъ уставныхъ грамотахъ; стоитъ припомнить особые уроки вирнику, метельнику, княжему отроку, особые уроки отъ головы, отъ свободы, отъ бортные земли, отъ ролейные, отъ правой грамоты, отъ безсудной, хоженое, пожелѣзное, и подоб. Люди, посланные намѣстникомъ и волостелемъ для позыва въ судъ, не могли брать подсудимаго самовольно, а объявляли о томъ общинѣ, въ которой живетъ подсудимый, и отдавали его на поруки. Въ самомъ судѣ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ всегда присутствовали судные мужи, выбираемые тѣми общинами къ которымъ принадлежали подсудимые; ни намѣстникъ, ни волостель, ни ихъ тіуны не могли производить суда безъ выборныхъ судныхъ мужей: объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ древніе законодательные памятники, такъ и всѣ правыя и судныя грамоты, дошедшія до насъ; даже въ Судебникѣ 1497 года сказано: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворскому, и старостѣ, и лучшимъ людемъ; а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.» Такимъ образомъ

судъ намѣстниковъ и волостелей никакъ нельзя признать судомъ произвольнымъ и неограниченнымъ; и тѣмъ болѣе нельзя допустить, чтобы намѣстники и волостели по закону, по смыслу ихъ учрежденія, обращались съ судопроизводствомъ, какъ съ частною собственностію.

Самое назначеніе намѣстникамъ и волостелямъ кормленья отъ уѣздовъ и волостей нисколько не предполагало особеннаго притѣсненія сихъ послѣднихъ; они намѣстничьи и волостелиные кормы платили вмѣстѣ съ государственными податьми, по общинымъ мирскимъ разрубамъ и разметамъ, на основаніи уставныхъ грамотъ и по общимъ переписнымъ окладнымъ книгамъ, гдѣ ясно и опредѣленно изображалось, сколько съ сохи или съ выти брать въ государеву казну и сколько въ намѣстничь или волостелинъ кормъ; такъ въ Новгородской переписной окладной книгѣ 1500 года намѣстничь кормъ, при описаніи деревень, опредѣляется вездѣ съ точностію рядомъ съ государевымъ оброкомъ; на примѣръ: «*Деревня Коргово* а великаго Князя оброку на ту деревню положено деньгами и за хлѣбъ, три гривны, опричь обежные дани. А кормъ намѣстничь положенъ съ полутретьядцати обежъ, и съ тое деревни корму намѣстнику и съ тіуномъ и съ доводчикомъ, съ дву обежъ въ годъ, на три праздника, полдевяты деньги.» Или: «*деревня на Нескахъ, деревня Весь на Пѣсоцкой рѣцѣ*». А великаго Князя оброку на тое деревню положено деньгами, и за хлѣбъ, и за хмѣль, и за мѣлкій доходъ, три рубли и тридцать гривенъ, опричь обежные дани. А намѣстничь кормъ положенъ съ полутретьядцати обежъ; и съ тѣхъ деревень съ десяти обежъ корму намѣстнику и съ тіуномъ въ годъ, на три праздника, три гривны да полденьги» (*). И такая опредѣленность и точность въ назначеніи намѣстничьихъ доходовъ соблюдалась не въ одномъ Новгородскомъ краю, но и во всѣхъ другихъ областяхъ; я здѣсь привелъ образчикъ опредѣленія намѣстничьихъ доходовъ по Новгородской книгѣ, потому что она уже напечатана; но въ вотчинномъ архивѣ можно видѣть десятки переписныхъ окладныхъ

(*) Временникъ 11.

книгъ Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и другихъ, въ которыхъ съ такою же точностію опредѣлены намѣстничьи доходы, какъ и въ приведенной Новгородской книгѣ. Такимъ образомъ намѣстничьи доходы, большіе или малые, нисколько не зависѣли отъ произвола намѣстниковъ. И г. Чичеринъ напрасно думаетъ, что общины въ древности были безотвѣтны передъ намѣстниками и волостелями; мы уже видѣли, какъ законъ охранялъ права общинъ и ограничивалъ власть намѣстниковъ и волостелей, а исторія свидѣтельствуетъ, что общины не неумѣли и пользоваться правами, предоставляемыми закономъ, и даже иногда черезчуръ; до насъ дошли извѣстія не только о жалобахъ общинъ на намѣстниковъ и волостелей, но и о жалобахъ намѣстниковъ и волостелей на общины. Стоитъ припомнить только, что Царь Иванъ Васильевичь въ 1555 году, при учрежденіи губныхъ старостъ, жалуясь на намѣстниковъ и волостелей, въ тоже время говоритъ: «такожъ тѣхъ городовъ горожане и волостей мужики многія коварства и убивства людемъ содѣлаша, и какъ сойдутъ намѣстники и волостели съ кормленья, и мужики многими иски отыскиваютъ.... и многіе намѣстники и волостели и стараго своего стяжанія лишишася, живота и вотчины избыша». Напрасно также думаетъ авторъ, что выборное начало было вызвано наружу Государями Московскими въ XV вѣкѣ, начало не скрывалось на Руси и прежде; о выборныхъ старостахъ и сотскихъ и другихъ оффиціальныхъ лицахъ мы имѣемъ прямыя извѣстія еще въ первой половинѣ XII вѣка: на примѣръ, въ грамотѣ Всеволода Мстиславича и въ лѣтописяхъ. Неправильно также думаетъ г. Чичеринъ, что Царь Иванъ Васильевичь, передавая власть суда и управы излюбленнымъ головамъ и выборнымъ старостамъ, имѣлъ въ виду ограниченіе власти намѣстниковъ и волостелей; здѣсь дѣло шло не объ ограниченіи власти намѣстниковъ, а о замѣщеніи одной власти другою; власть намѣстниковъ и волостелей, какъ мы уже видѣли, была ограничена прежде; а Царь Иванъ Васильевичь хотѣлъ совершенно передать эту власть излюбленнымъ головамъ и старостамъ.

Переходя къ обзору состоянія общины въ XVII столѣтіи, г. Чичеринъ пишетъ: «общины далеко не удовлетворяли всѣмъ потребностямъ Государства, и центральная власть не могла найти въ нихъ хорошихъ органовъ управленія; онѣ были слишкомъ разрознены и частію слишкомъ удалены отъ центра, да и притомъ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.... Въ XVII вѣкѣ, послѣ смутнаго времени былъ сдѣланъ новый шагъ въ устройствѣ администраціи: надъ разрозненными общинными властями.... поставлены были правители, которые должны были служить непосредственными органами верховной власти. Таковы были воеводы, которымъ вручена была вся правительственная власть въ уѣздѣ.» Мы здѣсь не будемъ толковать съ г. Чичеринымъ о томъ, удовлетворяли ли общины всѣмъ потребностямъ Государства, исторія общинъ въ XVII столѣтіи сама говоритъ въ ихъ пользу; ибо ежели по исторіи извѣстно, что въ продолженіи всего XVII вѣка правительство не препятствовало общинамъ управляться своими выборными начальниками, ежели сами общины находили это для себя нужнымъ, то стало быть общины удовлетворяли государственнымъ потребностямъ, по признанію самаго правительства. Но не мѣшаетъ пересмотрѣть то, что г. Чичеринъ ставитъ въ порокъ общинамъ. Онъ во 1-хъ говоритъ: «что общины были слишкомъ разрознены». Это выраженіе поставлено авторомъ безъ всякаго значенія и доказательствъ, основанныхъ на историческихъ данныхъ; слѣдовательно ничего не утверждаетъ и не отрицаетъ. Во 2-хъ по его словамъ: «общины были частію слишкомъ удалены отъ центра». Это значитъ, что Холмогорская или Важская община слишкомъ далеко стояли отъ Москвы, гдѣ находилось центральное управленіе; но развѣ воевода, посаженный въ Холмогорахъ или на Вагѣ, былъ ближе къ Москвѣ, чѣмъ излюбленный голова или староста, выбранный Холмогорскою или Важскою общиною? Въ 3-хъ авторъ ставитъ въ вину общинамъ то, что «онѣ не заключали въ себѣ всего народонаселенія, ибо въ нихъ не входили владѣльцы бѣлыхъ земель и ихъ крестьяне.» Дѣйствительно, общины

имѣли бы въ себѣ важный недостатокъ относительно управленія, ежели бы не заключали въ себѣ всего народонаселенія; но исторія не находитъ этого важнаго недостатка въ Русскихъ общинахъ. По свидѣтельству дошедшихъ до насъ памятниковъ, наши общины обнимали все народонаселеніе безъ исключенія; вотъ для доказательства начало одной челобитной, присланной отъ Дмитровской общины къ Царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1639 году: «Бьютъ челомъ изъ Дмитрова съ посаду и Дмитровскаго уѣзду нищіе твои Государевы богомольцы архимариты и игумены и протопопы и попы и дьяконы, и холопи твои Государевы, дворяне и дѣти боярскіе, и сироты твои Государевы посадскіе и уѣздные всякихъ чиновъ люди. Преже сего были, Государь, въ Дмитровѣ воеводы, и въ прошломъ, Государь, во 146 году били мы челомъ тебѣ, Государю, чтобъ воеводамъ въ Дмитровѣ небыть, а чтобъ быти въ Дмитровѣ одному губному старостѣ».и проч. (Времен. кн. 4) Здѣсь мы ясно видимъ, что общину составляли и духовенство, и дворянство, и посадскіе, и уѣздные всякихъ чиновъ люди, слѣдовательно все народонаселеніе, и всѣ они принимали участіе въ дѣлахъ, касающихся до цѣлой общины. Такимъ образомъ три недостатка, по словамъ г. Чичерина, побудившіе правительство перемѣнить общинное управленіе на воеводское, въ древнихъ Русскихъ общинахъ на лицо не оказались. Да и на дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, не было перемѣны общинныхъ властей на воеводъ, предполагаемой г. Чичеринымъ, и было оставлено на произволъ общинъ управляться или своими выборными начальниками, или воеводами.

Теперь перейдемъ къ учрежденію воеводскаго управленія. Г. Чичеринъ пишетъ, что воеводы были учреждены въ XVII столѣтіи, послѣ смутнаго времени; но таковое показаніе явно противорѣчитъ памятникамъ. Историческіе памятники относятъ учрежденіе воеводъ къ XVI столѣтію и, кажется, именно къ царствованію Ивана Васильевича; такъ въ первомъ томѣ историческихъ актовъ, подъ 1581 годомъ, мы встрѣчаемъ Нижегородскаго воеводу Сабурова (№ 209), и подъ 1591 годомъ Астраханскихъ воеводъ, Князя Сицкаго и Пушкина (№ 230), а по разрядными книгамъ находимъ

воеводъ почти по всѣмъ городамъ въ 1576 году и въ послѣдующіе годы. Конечно это уже не частная попытка, а общее учрежденіе. Относительно опредѣленія власти воеводъ и ихъ отношеній къ общиннымъ властямъ, авторъ говоритъ: «Московское Государство не знало еще точности и опредѣленности юридическихъ отношеній; стремясь къ водворенію порядка, къ организаціи управленія, оно дѣйствовало безъ общей системы, частными мѣрами и распоряженіями, нерѣдко приходившими въ столкновеніе другъ съ другомъ и производившими страшную запутанность въ администраціи. При раціональномъ устроеніи общинъ, надо бы было прежде всего обратить вниманіе на различіе между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими. А вмѣсто того права даровались имъ безразлично и притомъ не всѣмъ вообще, а порознь и какъ попало. Точно также, когда были введены воеводы, отношенія ихъ къ общинамъ остались неопредѣленными.... Слѣдствіемъ такой неопредѣленности было, разумѣется, то, что сильнѣйшая власть поглотила слабѣйшую. Дѣйствительно, въ XVII столѣтіи общины стоятъ на заднемъ планѣ и управленіе ихъ подавляется управленіемъ воеводскимъ. Гражданскій судъ цѣликомъ перешелъ въ руки воеводъ; о прежнихъ старостахъ и цѣловальникахъ не было уже и помину». Здѣсь во 1-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство XVII вѣка въ безпорядкахъ управленія, въ какой-то странной запутанности администраціи; конечно это слѣдовало бы подтвердить свидѣтельствами достовѣрныхъ памятниковъ, но свидѣтельствъ не представлено, а посему настоящія обвиненія остаются одними фразами, на которыя не слѣдуетъ и отвѣчать. Во 2-хъ авторъ обвиняетъ Московское правительство въ томъ, что оно не дѣлало различія между общинами городскими и сельскими, между черными, дворцовыми и владѣльческими, на что прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе, при раціональномъ устройствѣ общинъ. Но на дѣлѣ Московское правительство не только въ XVII столѣтіи, но и прежде обращало вниманіе на это различіе, сколько это было нужно; относительно сего мы имѣемъ множество старинныхъ

свидѣтельствъ администраціи; самое уже раздѣленіе общинъ и ихъ земель на сохи городскія, уѣздныя, вотчинничьи, дворповыя, монастырскія и черныя, ясно показываетъ, что различіе общинъ постоянно имѣлось въ виду у Московскаго правительства. Что же касается до раціональнаго устройства общинъ, то очевидно здѣсь г. Чичеринъ промолвился: государства вездѣ въ своемъ устройствѣ развиваются исторически; данныя для устройства и смыслъ самаго устройства даетъ жизнь, исторія, а не теорія. Въ 3-хъ авторъ обвиняетъ старую Московскую администрацію въ томъ, что въ ней будто бы не были опредѣлены отношенія воеводъ къ общинамъ. Это обвиненіе не имѣетъ для своего подтвержденія никакихъ данныхъ; Русская исторія свидѣтельствуетъ напротивъ, что отношенія сіи опредѣлялись и особыми уставными грамотами, и другими общими узаконеніями, и наказами воеводамъ, которыхъ мы имѣемъ довольно уже напечатанными въ разныхъ изданіяхъ. Въ 4-хъ наконецъ авторъ утверждаетъ, что общинная власть въ XVII вѣкѣ подавляется воеводскимъ управленіемъ; а между тѣмъ самъ же упоминаетъ о челобитьѣ Вятскаго старосты въ 1686 году, который просилъ, чтобы въ городѣ и уѣздѣ раздавать тяглыя земли не изъ приказной, а изъ земской избы; слѣдовательно самъ же прямо отрицаетъ свое прежнее показаніе. Ежели общины имѣли свою особую земскую избу, состоящую въ вѣдѣніи старостъ и цѣловальниковъ, и дѣйствовали здѣсь независимо отъ воеводъ по дѣламъ, собственно касающимся общины и подлежащимъ ея вѣдѣнію; то слѣдовательно общины еще не были подавлены воеводскимъ управленіемъ. Кромѣ того мы имѣемъ и другія прямыя указанія, что въ продолженіе XVII вѣка общины по прежнему принимали сильное участіе въ дѣлахъ управленія и суда надъ своими членами; хотя иногда на время и дѣлались попытки къ ихъ устраненію отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, но попытки сіи большею частію оканчивались тѣмъ, что правительство обращалось къ прежнему порядку. Такъ въ указѣ 1684 года отъ 18 февраля предписывается, чтобы по всѣмъ городамъ быть губнымъ старостамъ, и вѣдать всякія губныя дѣла по прежнему, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ

не вѣдать, и о выборѣ губныхъ старостъ послать великихъ Государей грамоты (П. С. З. № 1062). А въ писцовомъ наказѣ того же года говорится, что «губные старосты по челобитьямъ отмежевывали земли изъ дикихъ поль.»

Отношеніемъ власти воеводъ къ общинамъ г. Чичеринъ оканчиваетъ свою первую статью о сельскихъ общинахъ въ Россіи. Предлагаемый здѣсь разборъ ясно показываетъ, на сколько эта статья согласна съ данными, представляемыми Русскою исторіею; теперь обратимся ко второй статьѣ.

Во второй статьѣ г. Чичеринъ, утверждая, что отдѣленіе и обособленіе городовъ отъ селъ началось съ XVII вѣка, говоритъ: «стремленіе къ устройству и къ обособленію городовъ выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года, подтвержденномъ въ Уложеніи. Этимъ указомъ частныя имѣнія, лежавшія внутри и около городовъ, были отобраны въ казну и присоединены къ тяглымъ землямъ; владѣльцевъ же велѣно было вознаградить изъ другихъ земель. Кромѣ того владѣніе тяглыми участками и производство городскихъ промысловъ предоставлены были исключительно тяглымъ посадскимъ людямъ. Этимъ городская земля была округлена и отдѣлена отъ другихъ; жители получили отдѣльныя опредѣленныя сословныя права.» Дѣйствительно, указомъ 1648 года были сдѣланы распоряженія, указанныя г. Чичеринымъ; но дѣло въ томъ, что распоряженія сіи были не новость, что онѣ существовали уже въ XVI столѣтіи и даже прежде; самый указъ 1648 года былъ изданъ почелобитью всѣхъ людей Московскаго Государства: «чтобы Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинить въ Московскомъ Государствѣ по прежнему, какъ было при прежнихъ Государехъ, блаженныя памяти при Государѣ Царѣ и Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русіи, чтобъ на Москвѣ, и около Москвы, и въ городѣхъ на посадѣхъ, и около посадовъ въ слободахъ торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей, и закладчиковъ, и откупщиковъ опричь его Государевыхъ торговыхъ людей, нигдѣ ни чьихъ не было» (А. Ар. Эк. Т. IV. стр. 52). Такимъ образомъ указъ, приведенный г. Чичеринымъ, опровергаетъ его же мнѣніе и прямо свидѣтельствуетъ, что еще въ XVI вѣкѣ города были рѣзко отдѣлены отъ уѣздныхъ земель.

Далѣе г. Чичеринъ говоритъ: «Важнѣйшимъ шагомъ для отдѣленія городовъ отъ селъ и для устройства самостоятельности городскихъ общинъ былъ указъ 1681 года, о введеніи стрѣлецкой подати. Она была наложена на всѣ тяглые города, на дворцовые города и слободы поморскихъ городовъ и на Олонецкій уѣздъ. Всѣ же владѣльческіе крестьяне, помѣщичьи, церковные, дворцовые и бывшіе черные, были въ замѣнъ этого обложены ямскими и полоняничными деньгами. Сборъ стрѣлецкой подати былъ предоставленъ исключительно земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, для раскладки же выбирались въ каждомъ посадѣ и въ каждой волости особенные выборные люди.» Здѣсь во 1-хъ слѣдуетъ замѣтить, что приводимый г. Чичеринымъ указъ 1681 года говоритъ не о введеніи стрѣлецкой подати, извѣстіе о ней мы встрѣчаемъ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а самое учрежденіе вѣроятно было и раньше; настоящій же указъ гласитъ только о новой раскладкѣ этой подати по тогдашнимъ (188 года) переписнымъ книгамъ, и по разчету сдѣланному въ стрѣлецкомъ приказѣ, по которому требовалось на раздачу жалованья стрѣльцамъ и ихъ начальникамъ всего 107,227 рублевъ. (Ак. Ар. эк. Т. IV. стр. 347). Во 2-хъ стрѣлецкая подать въ этомъ указѣ была разложена не на всѣ тяглые города, какъ пишетъ г. Чичеринъ; въ указѣ прямо сказано: «которые городы и уѣзды сборомъ вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ, и въ приказѣ жъ Большаго и Казанскаго дворцовъ.» И притомъ подать эту платили не одни городскіе жители, но и уѣздные, какъ прямо свидѣтельствуетъ указъ: «А стрѣлецкія деньги въ городѣхъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ, по окладу выборныхъ окладчиковъ, сбирать сполна на посадскихъ и на уѣздныхъ людяхъ. Слѣдовательно въ этомъ указѣ незамѣтно никакого, не только важнѣйшаго, шага для отдѣленія городовъ отъ селъ. Въ 3-хъ предоставленіе сбора стрѣлецкой подати земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и выборъ въ каждомъ городѣ и волости особыхъ людей для раскладки, вовсе, не составляютъ новости, будто бы введенной симъ указомъ: самъ же г. Чичеринъ въ первой своей статьѣ говоритъ, что община завѣдывала рас-

кладкою и сборомъ податей, даже прежде XVI вѣка, о томъ же свидѣтельствуютъ разныя древнія грамоты и узаконенія и между прочимъ Судебникъ 1550 года; въ немъ въ 72 статьѣ прямо сказано: «А разметныя книги старостамъ и сотскимъ и десятскимъ, и всѣмъ людемъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ, дьяка руку за своими руками, ежегодъ присылати на Москву.» Указъ 1681 года только требуетъ, чтобы стрѣлецкую подать разкладывать особо отъ другихъ податей: «А буде съ котораго городу, сверхъ стрѣлецкихъ денегъ, есть иные какіе поборы и мирскіе ихъ расходы; и для тѣхъ ихъ особыхъ поборовъ и мирскихъ расходовъ въ городѣхъ посадскіе люди чинили бъ оклады и розверстку межъ себя особую, а къ окладу стрѣлецкихъ денегъ не прикладывали.» Явно, что настоящій указъ заботился только объ отдѣленіи стрѣлецкой подати отъ другихъ податей, а не объ отдѣленіи городовъ отъ селъ, которые уже издревле были отдѣлены и закономъ, и жизнію.

Обращаясь отъ городовъ къ волостямъ, г. Чичеринъ говоритъ: «Еще до Петра Великаго, черныя волости совершенно слились съ дворцовыми имѣніями. Когда съ развитіемъ государства образовалась обширная помѣстная система, черныя волости безпрестанно раздавались въ помѣстья; такъ что въ половинѣ XVII вѣка онѣ заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ (по свидѣтельству Котошихина). Государство въ своемъ развитіи опиралось преимущественно на владѣльческіе элементы, съ расширеніемъ которыхъ черныя волости болѣе и болѣе стѣснялись и теряли всякую самостоятельность, пока онѣ не смѣшались совершенно съ дворцовыми селами. Первымъ шагомъ къ этому сліянію было назначеніе въ черныя волости приказщиковъ; вторымъ шагомъ было подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго Дворца. Въ Уложеніи черные крестьяне уже совершенно смѣшиваются съ дворцовыми. Названіе черныхъ волостей еще сохранилось, но крестьяне называются уже дворцовыми.» Дѣйствительно, по свидѣтельству Уложенія, въ XVII вѣкѣ Государевы дворцовыя села и черныя волости раздавались боярамъ и окольничимъ и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины (глав.

XVI. стат. 46). Даже продавались отъ казны, и въ Уложеніи назначена продажная цѣна: «а порожнія земли за рубль по три четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ. А дворцовыя земли по двѣ четверти за рубль добрые и средніе и худые земли не одобривая.» (глав. XVII. стат. 45.) Таковая раздача черныхъ земель въ помѣстья и продажа ихъ въ вотчины, конечно, должны были значительно убавить количество черныхъ свободныхъ земель; но эта убавка черныхъ волостей ни коимъ образомъ не могла дойти до 20,000 дворовъ, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, который, будучи только подъячимъ Посольскаго приказа, не могъ имѣть вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ дворовъ въ черныхъ волостяхъ по всей Россіи, и явно писалъ объ этомъ предметѣ на обумъ; даже редакторы его книги замѣтили, что XI глава, гдѣ помѣщено это извѣстіе, особенно неудовлетворительна. Не должно забывать, что раздавались въ помѣстья и продавались въ вотчины только опредѣленныя къ тому земли, состоящія въ вѣдѣніи Помѣстнаго приказа; челобитчики подавали прошеніе въ Разрядный приказъ, гдѣ, по учиненіи справки объ ихъ службѣ, назначалось количество четвертей въ помѣстье или вотчину, и таковое назначеніе изъ Разряда отсылалось въ Помѣстный приказъ, гдѣ, по справкѣ о имѣющихся пустующихъ помѣстныхъ или вотчинныхъ земляхъ, и отдавалось челобитчику назначенное Разрядомъ количество четвертей. Къ раздачѣ же черныхъ или дворцовыхъ земель правительство прибѣгало только тогда, когда въ Помѣстномъ приказѣ не оказывалось свободныхъ земель, или когда въ Дворцовомъ приказѣ оказывались лишнія пустующія земли, не приносящія казнѣ дохода, или дикія поля, и когда были на нихъ челобитчики. Въ Уложеніи сказано: «А оброчныхъ земель и бортныхъ ухожаевъ оброчныхъ же въ помѣстье не давать никому. А будетъ который помѣщикъ пріищетъ гдѣ пустые озера, или въ рѣкахъ рыбные ловли порожніе, а не помѣстные и вотчинные и оброчные; и учнетъ о тѣхъ водахъ бити челомъ Государю въ помѣстье за четвертную пашню, и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавать въ помѣстье за четвертную пашню по разсмотрѣнію.» (глав.

XVII. ст. 35. 36.) Продавались же казною земли, именно пустующія, не имѣющія хозяевъ, порожнія; такъ въ Уложеніи сказано: «указали порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ продавать.... Да и въ иныхъ городѣхъ, будетъ кто пріищетъ помѣстные пустые земли, которыя лежатъ въ порожнихъ земляхъ изъ давнихъ лѣтъ, въ помѣстье ихъ никто не возметъ; и тѣ земли продавати въ вотчину.» (Глав. XVII. стат. 45, 47.) Все это ясно показываетъ, что черныя земли не раздавались въ помѣстья безпрестанно, какъ то утверждаетъ г. Чичеринъ; здѣсь самостоятельность черныхъ волостей нисколько не стѣснялась, черныя волости оставались неприкосновенными, и только пустующія ихъ земли продавались или отдавались въ помѣстья. Г. Чичеринъ говоритъ, что черныя волости постепенно слились съ дворцовыми и, какъ на первый шагъ къ такому слитію, указываетъ на назначеніе въ черныя волости приказщиковъ, т. е. людей, назначаемыхъ для управленія отъ правительства; но отъ правительства и прежде назначались люди для управленія черными волостями, таковы были волостели и становщики; приказщики именно заступили ихъ мѣсто, какъ воеводы заступили мѣсто намѣстниковъ. А посему, ежели г. Чечеринъ на волостелей и становщиковъ не указывалъ, какъ на шагъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми, то нѣтъ причинъ указывать и на прикащиковъ, и тѣмъ болѣе, что, какъ при волостеляхъ и становщикахъ были выборные отъ волостей свои управители, — старосты и сотскіе, точно также они были и при прикащикахъ. Такъ въ наказѣ 1612 года прямо сказано: «А прикащику и старостамъ и цѣловальникамъ на Олонцѣ и въ Заонежскихъ погостѣхъ давати на оброкъ крестьянамъ пустые выти.... А старостъ и цѣловальниковъ велѣти выбирати крестьяномъ всѣмъ.... а кого выберутъ и на тѣхъ людей имати выборные и излюбленные списки.» (Доп. къ Ак. ист. II. I. № 167.) Или въ сыщиковомъ наказѣ 1683 года говорится: «Впредь прикащикамъ и старостамъ бѣглыхъ крестьянъ не принимать.» (Пол. Соб. 3 ак. № 989.) Или въ приговорѣ боярскомъ того же года о посылкѣ межевщиковъ: «А которые приказчики будутъ въ отъѣздѣ,

и имъ (межевщикамъ) имать старостъ и цѣловальниковъ и выборныхъ крестьянъ, кому въ межевомъ дѣлѣ вѣрятъ.» (тамъ же № 1005.) А Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что приказчики бывали не во всѣхъ черныхъ волостяхъ, что иныя волости управлялись одними выборными людьми. «А въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ десять, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ.» (Коших. стр. 113.) Ясно, что черныя волости были въ томъ же положеніи въ отношеніи къ управленію при прикащикахъ, въ какомъ онѣ были при волостеляхъ и становщикахъ.

Вторымъ шагомъ къ слитію черныхъ волостей съ дворцовыми г. Чичеринъ называетъ — подчиненіе черныхъ волостей приказу Большаго дворца. Но это подчиненіе въ сущности отнюдь не указываетъ на шагъ къ слитію черныхъ земель съ дворцовыми, а напротивъ, причина таковаго подчиненія скрывается въ желаніи только отдѣлить по управленію черныя земли, какъ государственныя, отъ частныхъ земель, вотчинныхъ и помѣстныхъ. Когда учреждены были особые приказы для разныхъ вѣдомствъ, и когда для управленія вотчинныхъ и помѣстныхъ земель учреждено было особое вѣдомство, — Помѣстный приказъ; то естественно было и для черныхъ земель учредить особый приказъ, и таковымъ былъ приказъ Большаго Дворца. Но подчиненіе черныхъ земель Дворцовому приказу не уничтожило ихъ прежняго характера, онѣ по прежнему остались черными землями и не слились съ дворцовыми, и въ продолженіи не только XVII, но и въ XVIII столѣтіи, черныя земли постоянно называются черными, а дворцовыя дворцовыми, и даже въ книгахъ сошнаго письма постоянно имѣютъ особую раскладку и мѣру отъ дворцовыхъ земель; такъ: въ книгѣ сошнаго письма 1629 года черныя сохи состоятъ изъ 500 четвертей въ доброй землѣ, изъ 600 въ средней и изъ 700 въ худой землѣ; а дворцовыя сохи въ 600 четвертей доброй земли, въ 700 средней и въ 800 худой земли. Такимъ образомъ, по прямому свидѣтельству книги сошнаго письма, черныя волости съ подчиненіе-

емъ Дворцовому приказу не слились съ дворцовыми землями, а остались при прежнемъ своемъ значеніи; ибо и въ XVI столѣтіи черныя сохи были не менѣе 500 четвертей и не болѣе 700 четвертей.

Далѣе авторъ говоритъ: «Окончательное сліяніе черныхъ сельскихъ общинъ съ другими сельскими общинами принадлежитъ уже къ XVIII столѣтію. При Петрѣ Великомъ, въ средней Россіи находились уже однѣ владѣльческія села, раздѣлявшіяся на дворцовыя, церковныя, помѣщичьи. Свободные крестьяне остались только по окраинамъ Государства, куда мало проникала дѣятельность центральной власти. Сюда относились поселенные на югѣ однодворцы, на востокѣ ясашные и на сѣверѣ черносошные крестьяне. Всѣ они вмѣстѣ, по знаменитому указу 1722 года о введеніи подушной подати, образовали сословіе государственныхъ крестьянъ въ противуположность владѣльческимъ.» Мы уже доказали выше, что черныя волости съ подчиненіемъ приказу Большаго дворца не слились съ дворцовыми, но остались по прежнему съ значеніемъ и характеромъ черныхъ волостей въ продолженіи всего XVII вѣка; а теперь представимъ свидѣтельство, что онѣ, и при Петрѣ Великомъ, оставались по прежнему черными волостями. До насъ дошла роспись полевой мѣры или книга сошнаго письма 1709 года, въ которой, какъ и въ книгахъ XVI и XVII столѣтій, земли дѣлятся на черныя, помѣстныя и проч. Даже самыя дворцовыя земли съ XVII вѣка нельзя уже считать владѣльческими, потому что онѣ по раскладкѣ въ книгахъ сошнаго письма, какъ мы уже видѣли, почти сравнялись съ черными волостями, слѣдовательно также приняли характеръ государственныхъ земель, а не владѣльческихъ, и этотъ характеръ удержали и по межевой инструкціи 1754 года. А по сему владѣльческими землями при Петрѣ Великомъ и въ первой половинѣ XVIII столѣтія были только земли церковныя и помѣщичьи или вотчинныя, а во второй половинѣ XVIII столѣтія, съ отобраніемъ вотчинъ у церквей и монастырей, владѣльческими землями остались только одни помѣщичьи или вотчинныя.

Наконецъ, приписывая новымъ постановленіямъ прави-

тельства, относящимся къ XVIII вѣку, а не исконнымъ обычаямъ, все современное устройство сельскихъ общинъ, авторъ говоритъ: «Во 1-хъ, на основаніи укрѣпленія земледѣльческаго сословія къ землѣ и платежа податей по душамъ установилось во всѣхъ сельскихъ общинахъ общее владѣніе землею и соразмѣрное распредѣленіе между отдѣльными членами. «Но мы уже видѣли, что общее владѣніе землею въ сельскихъ или волостныхъ общинахъ на Руси существовало издревле; слѣдовательно оно не обязано своимъ происхожденіемъ ни прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, ни подушной подати. Тоже должно сказать и о соразмѣрномъ распредѣленіи земли между членами общины; это соразмѣрное распредѣленіе земель несравненно древнѣе указа о подушной подати; выти и обжи, на которыя дѣлилась земля между членами той или другой общины встрѣчаются еще въ памятникахъ XV столѣтія. Крестьяне обыкновенно садились на выть земли или на полвыти, или на другую какую долю выти, и соразмѣрно съ полученнымъ участкомъ земли платили подати. Вся разница, древняго распредѣленія земли съ распредѣленіемъ, введеннымъ въ слѣдствіе указа о подушной подати, состоитъ въ томъ, что древнее распредѣленіе соразмѣрялось съ средствами и силами плательщика: кто имѣлъ болѣе средствъ, болѣе силъ, тотъ получалъ и большій участокъ земли, и съ тѣмъ вмѣстѣ обязывался платить бо̀льшую подать; по новому же способу, введенному въ слѣдствіе указа о подушной подати, земля дѣлилась по числу душъ, написанныхъ въ ревизіяхъ, такъ что каждая ревизская душа, былъ ли то малолѣтный, или взрослый, или старикъ, здоровый или больной, богатый или бѣдный, получала безъ различія одинакую долю земли. Конечно нѣтъ надобности доказывать, что старый способъ дѣленія былъ несравненно лучше новаго, и практика не замедлила засвидѣтельствовать это: черезъ сорокъ восемь лѣтъ послѣ изданія указа о подушной подати правительство нашло уже необходимымъ предписывать, чтобы раздѣлъ земель производился по тяглам̀ъ, т. е. по старому способу; именно въ инструкціи 1770 года сказано: «немедленно такое селеніе

непремѣнно расписывать на тягла.» (П. Соб. зак. № 13590). Такимъ образомъ ясно, что правительство здѣсь обратилось къ древнему обычному способу раздѣла земель, который упоминается еще въ грамотахъ XVI столѣтія (на примѣръ въ уставной грамотѣ 1564 года сказано: «написали есмя вамъ указъ о всякихъ разрубахъ и о тяглахъ, чтобы у васъ въ волости промежъ вами да и съ иными нашими волостками и съ деревнями впредь смущенья не было.» Ак. Ар. Эк. т. I. № 268). Но г. Чичеринъ, приведши выписку изъ помянутой инструкціи, говоритъ: «Такъ правительство старалось водворить между крестьянами справедливость и уравненіе.... Гдѣ крестяне плохо распредѣляли наложенныя на нихъ обязанности и сопряженное съ ними поземельное владѣніе, тамъ оно вводило лучшій распорядокъ; и тѣ учрежденія, которыя по видимому проистекаютъ изъ правовъ и обычаевъ, въ сущности опредѣлены правительственными распоряженіями.» Дѣйствительно правда, что правительство старалось водворить справедливость и уравненіе; но дѣло въ томъ, что оно прибѣгало для этого къ старымъ же способамъ, вытекшимъ изъ правовъ и обычаевъ народа, отмѣняло новый раздѣлъ земель по ревизскимъ душамъ и обращалось къ древнему по тягламъ.

Во вторыхъ г. Чичеринъ, продолжая развивать свое мнѣніе, что устройство сельскихъ общинъ нынѣшняго времени принадлежитъ постановленіямъ правительства, введеннымъ въ XVIII вѣкѣ, говоритъ: «что крестьяне церковные и монастырскіе, изъ которыхъ образовалось большинство нынѣшнихъ государственныхъ крестьянъ, получили выборное управленіе только въ послѣдней четверти XVIII вѣка.» И въ доказательство своей мысли приводитъ докладъ князя Куракина, въ 1674 году поданный Императрицѣ Екатеринѣ, по которому отмѣнены управители и прикащики, и внутреннее разбирательство споровъ между крестьянами предоставлено было выборнымъ, а для сбора податей учреждены по городамъ казначеи. Все это правда; правительство въ 1764 году отмѣнило управителей и прикащиковъ въ имѣніяхъ духовнаго вѣдомства и предоставило внутреннее разбирательство споровъ выборнымъ; но

дѣло опять въ томъ, что здѣсь правительство обратилось къ старому же порядку, извѣстному еще въ XVI вѣкѣ и раньше; оно не вводило здѣсь выборнаго управленія, а только предоставило духовнымъ крестьянамъ управляться выборными, по укоренившемуся у нихъ издревле обычаю, никогда не прекращавшемуся въ сознаніи народномъ и существовавшему на дѣлѣ всегда и при управителяхъ, какъ мы это и видимъ въ старыхъ памятникахъ. Такъ на примѣръ, въ наказѣ приказчику отъ властей Иверскаго монастыря, данномъ въ XVII столѣтіи, сказано: «А въ судѣ указали мы съ нимъ слугою быть старостамъ и цѣловальникамъ; а будетъ въ какомъ дѣлѣ расправы учинить немочно, и ему слугѣ о тѣхъ спорныхъ дѣлахъ писать къ намъ въ Иверской монастырь» (Юрид. ак. стр. 359). Или въ уставной грамотѣ патріарха Іова 1590 года: «а у приказчиковъ въ тѣхъ селѣхъ въ судѣ сидѣти сельскимъ крестьяномъ лучшимъ людемъ двѣма или трема, кого сельчане излюбятъ; а конхъ крестьянъ сельчане излюбятъ въ томъ судѣ сидѣти, и приказчику, тѣхъ людей имена переписавъ, за поповыми руками прислати къ игумену... А межи себе крестьяне лихова человѣка не держалибъ, обыскивали межъ себя про лихова человѣка накрѣпко, а на кого взойдетъ пословица не добрая, и тѣхъ бы недобрыхъ людей выслали вонъ, чтобъ въ тѣхъ лихихъ людяхъ крестьянамъ продажъ не было.» (Времен. кн. 2.) Слѣдовательно правительство по докладу 1764 года не уничтожало стараго обычнаго учрежденія, а только изъ двухъ старыхъ учрежденій отмѣнило одно, — приказчиковъ и управителей, и отмѣнило именно то учрежденіе, которое уже прежде утратило свой старый характеръ, въ слѣдствіе передачи управленія церковными имѣніями сперва въ особую учрежденную для того коммиссію, а потомъ въ 1763 году въ Коллегію Экономіи.

Въ 3-хъ наконецъ, развивая свою мысль до послѣдней крайности, г. Чичеринъ говоритъ: «Сельскія общины одолжены нынѣшними своими учрежденіями великой строительницѣ областнаго и мѣстнаго управленія въ Россіи.... Екатерина, образовавшая дворянскія общества, развившая уч-

режденія городовъ, устроила и казенныя сельскія общины. Межевая инструкція 1766 года окончательно развила тѣ учрежденія, которыя вытекали изъ наложенныхъ на земледѣльцевъ сословныхъ обязанностей; устройство же внутренняго управленія было собственно созданіемъ великой монархини.» Конечно такой мысли, совершенно противорѣчащей общему убѣжденію и даннымъ, представляемымъ исторіею и жизнію, нельзя пустить безъ доказательствъ. Г. Чичеринъ понималъ это хорошо и постарался пріискать доказательства; онъ говоритъ: «Это (устройство и управленіе сельскихъ общинъ) сдѣлано Высочайшими экономическими пунктами, которые извѣстны намъ по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи, изданномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Здѣсь постановлено, чтобы въ каждомъ селеніи, имѣющемъ болѣе 1000 дворовъ, былъ сельскій старшина; а на каждые 500 дворовъ опредѣленъ сельскій староста, два выборные или словесные разборщика и сборщикъ податей, въ меньшихъ селахъ было меньше властей. Старшинъ и старостъ положено избирать черезъ три года, выборныхъ и сборщиковъ ежегодно.... Кромѣ того, для полиціи на каждые сто дворовъ учреждены были сотскіе, а на каждые десять десятскіе, исправляющіе должность по очереди.» Это доказательство очень сильное; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что Императрица Екатерина II очень хорошо знала и понимала исторію внутренней жизни Русскаго общества и умѣла уважать древніе исконные обычаи народа, неразрывно связанные съ его жизнію; а отнюдь не доказываетъ, чтобы сельскія общины обязаны были нынѣшними своими учрежденіями Екатеринѣ II. Ибо во 1-хъ почти всѣ постановленія экономическихъ пунктовъ были не новыя, а древнія, давно уже существовавшія и не переставшія существовать въ жизни Русскаго общества: старосты, выборные сборщики податей, сотскіе и десятскіе, намъ постоянно встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ общественнаго устройства сельскихъ общинъ подъ тѣми же почти именами и съ тѣми же обязанностями, какія мы видимъ въ экономическихъ пунктахъ; даже выборъ старостъ и въ старину

бывалъ иногда черезъ три года, какъ свидѣтельствуютъ памятники XVI столѣтія. Во 2-хъ самые экономическіе пункты какъ извѣстны только по ссылкамъ, находящимся въ учрежденіи казенныхъ селеній Екатеринославской губерніи; слѣдовательно они не были введены, какъ общій законъ для сельскихъ общинъ по всей Россіи, а нашли для себя приложеніе только въ Екатеринославской губерніи, какъ области вновь сформированной и населенной недавними пришельцами изъ разныхъ краевъ, нуждающимися въ общемъ устройствѣ. Эта судьба экономическихъ пунктовъ ясно свидѣтельствуетъ, что Императрица Екатерина II сама нашла ненужнымъ прилагать своихъ экономическихъ пунктовъ къ управленію всѣхъ сельскихъ общинъ въ Россіи: съ одной стороны потому, что пункты сіи въ существенныхъ своихъ и главныхъ частяхъ составляли исконный и неумолкающій обычай Русскаго народа, давно узаконенный исторіею и жизнію, о которомъ вовсе не было нужды напоминать новыми указами; а съ другой стороны въ экономическихъ пунктахъ были нѣкоторыя постановленія, несогласныя съ исконнымъ устройствомъ сельскихъ общинъ, таковы на примѣръ: 4-й пунктъ, «чтобы при сельскихъ выборахъ быть уѣздному стряпчему и по одному сельскому засѣдателю» и 16-й: «при въѣздѣ въ селеніе и выѣздѣ изъ него имѣть курени съ караульными для спросу проѣзжающихъ и проходящихъ, и къ задержанію безпаспортныхъ». И таковые и подобные пункты, возможные къ приложенію въ обществахъ, вновь формирующихся и не имѣющихъ преданій, очевидно оказались излишними и неудобоприложимыми къ обычаямъ обществъ старыхъ; а потому и не были приложены къ нимъ. Такимъ образомъ старыя общины на Руси и при Екатеринѣ остались при своемъ старомъ устройствѣ съ своими выборными старостами, сотскими и десятскими. И г. Чичеринъ напрасно приписываетъ сей Императрицѣ нынѣшнее устройство сельскихъ общинъ; ибо ежели бы это устройство было Екатерининское, то при сельскихъ выборахъ присутствовали бы и уѣздные стряпчіе, и сельскіе засѣдатели, и въ селеніяхъ на въѣздѣ и выѣздѣ были бы курени съ караульными, и иныя

постановленія, написанныя въ экономическихъ пунктахъ и вовсе неизвѣстныя нашимъ сельскимъ общинамъ: отсутствіе сихъ постановленій въ нашихъ сельскихъ общинахъ служитъ прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ, что устройство сихъ общинъ въ существенныхъ своихъ чертахъ составилось не по позднѣйшимъ постановленіямъ правительства, а вытекло изъ жизни народа, изъ его понятія объ условіяхъ общественной жизни, изъ народнаго характера, выработаннаго исторіею.

Въ заключеніе своей второй статьи г. Чичеринъ говоритъ: «при Екатеринѣ были укрѣплены и крестьяне Малороссійскіе, и здѣсь мы найдемъ новое подтвержденіе той мысли, что общее владѣніе землею и ея передѣлъ не коренится въ древнемъ обычаѣ Русскаго народа. Въ Малороссіи, въ странѣ исконно Русской, прежде введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій, были только частные собственники, помѣщики и козаки, да крестьяне, селившіеся на ихъ земляхъ по свободному договору». Можетъ быть, во время присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству тамъ не было уже общаго владѣнія землею и были только частные собственники, но не должно забывать, что Малороссія присоединилась къ Москвѣ послѣ почти четырехъ-сотъ-лѣтней невыносимо тягостной зависимости отъ Литвы и Польши, въ продолженіе которой, только при невѣроятныхъ усиліяхъ, едва могла удержать вѣру предковъ и частію народность, впрочемъ много уже измѣненную въ сравненіи съ прародительскими обычаями; а посему естественно, что общественное устройство этого древняго Русскаго края потерпѣло существенныя перемѣны и волей, неволей подчинилось постановленіямъ чуждаго правительства, старавшагося всѣми силами съ корнемъ уничтожить не только старыя учрежденія, но даже языкъ и вѣру доблестнаго народа. Послѣ сего нѣтъ ничего мудренаго, что Московская администрація не нашла въ Малороссіи общаго владѣнія землею, и отсутствіе его въ Малороссіи въ XVI вѣкѣ нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ того, что будто бы его не было и въ Россіи, и что оно введено только въ XVIII столѣтіи. Третья статья г. Чичери-

на содержитъ положенія, выведенныя изъ первыхъ двухъ статей. Основанія сихъ положеній, по нашему разбору, оказались уже несогласными съ Русскою исторіею, утвержденною памятниками, слѣдовательно также несогласны съ исторіею и самыя положенія; а посему нѣтъ надобности и разбирать ихъ.

И. Бѣляевъ.

Мы весьма благодарны г. Чичерину за возбужденіе важнаго вопроса о сельской общинѣ, за совокупленіе во едино и уясненіе главныхъ доводовъ, коими по видимому опровергается исконное существованіе общины у насъ въ Россіи; но думаемъ, что уже теперь, по прочтеніи живой, крайне заманчиво написанной статьи г. Чичерина и строго-ученаго отвѣта г. Бѣляева, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Что наша община есть не патріархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вѣрнѣе сказать, мірская. Она не устроена правительствомъ, а образовалась изъ самаго быта Русскихъ людей; правительство же только мудро воспользовалось тѣмъ, что уже существовало въ нравахъ и обычаяхъ народа.

2) Что Русская община имѣетъ конечно свои особенности, которыя вытекаютъ собственно изъ Русской исторіи, но въ главныхъ чертахъ (въ общинномъ владѣніи землею, въ выборѣ начальниковъ, въ сущности власти этихъ начальниковъ, въ братскомъ товариществѣ членовъ общины и проч.) она тождественна съ общинами другихъ Славянскихъ земель, разумѣется, на сколько эти послѣднія общины не были искажены вліяніемъ Римства и истекающихъ изъ него гражданскихъ учрежденій.

3) Что наша сельская община, съ древнѣйшихъ историческихъ временъ и донынѣ, сохранила всѣ отличительныя черты, которыми она рѣзко отличается отъ западныхъ германскихъ и прочихъ общинъ,—черты, составляющія главную основу порядка и величія въ настоящемъ и служащія залогомъ благосостоянія и могущества Россіи въ будущемъ. Изъ статьи г. Бѣляева видно, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, что издавна было у насъ

общинное владѣніе землею, что были передѣлы земли и что были общинные суды и расправы. Продажи земель конечно совершались, но онѣ или касались лично-собственныхъ земель или представляли только замѣнъ одного тяглаго лица другимъ. Были ли въ древней Россіи большіе поселки, сколь много ихъ было, — это къ настоящему дѣлу мало относится, ибо общины могутъ равно существовать, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ деревняхъ. Что же касается до переходовъ народонаселенія съ мѣста на мѣсто, цѣлыми деревнями или отдѣльными лицами, то они ни мало не уничтожали общиннаго начала въ народѣ, что впрочемъ на дѣлѣ доказывается подвижными артелями, существующими и нынѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

и 4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вышло не изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, не изъ прикрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и не изъ разложенія податей на души, а изъ тысячилѣтней жизни Русскаго народа и государства. Впрочемъ это очевидно также, какъ изъ того, что закономъ трудно, вѣрнѣе сказать, невозможно укоренить въ правахъ и обычаяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ самобытно, такъ и изъ того, что общинное устройство существуетъ и тамъ, куда правительственныя распоряженія почти не заглядывали, а именно: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Во всѣхъ вотчинахъ (особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ), гдѣ власть помѣщичья не уничтожала прямо и положительно мірскаго управленія, общества очень сильны и живы; сверхъ того замѣчательно, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ сходки, судъ стариковъ, выборы и мірское управленіе въ деревняхъ были уничтожены помѣщиками или ихъ управляющими, снова всѣ эти обычаи оживали и укоренялись, какъ только слабѣла или устранялась власть, препятствовшая ихъ развитію.

Хотя мы считаемъ исконное существованіе сельской общины въ Россіи дѣломъ, достаточно доказаннымъ, однако надѣемся представить въ непродолжительномъ времени еще статьи въ подтвержденіе этого мнѣнія.

Изд. К.